

Джером Дж. К.

**ТРОЕ В ЛОДКЕ, НЕ СЧИТАЯ СОБАКИ
ТРОЕ НА ЧЕТЫРЕХ КОЛЕСАХ**

**ШЕДЕВРЫ
МИРОВОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ**

Шедевры мировой литературы
(Мир книги, Литература)

Джером Джером

**Трое в лодке, не считая
собаки. Трое на четырех
колесах (сборник)**

«Алгоритм»

УДК 821.111
ББК 84(4Вл)

Джером Д. К.

Трое в лодке, не считая собаки. Трое на четырех колесах (сборник) / Д. К. Джером — «Алгоритм», — (Шедевры мировой литературы (Мир книги, Литература))

Джером Клапка Джером (1859–1927) – неподражаемый английский писатель-юморист, автор многочисленных романов, повестей, рассказов и пьес, в которых он с добродушным юмором, нередко с налетом сентиментальности повествует о жизни незадачливых обывателей, чье неадекватное представление о самих себе и об окружающих часто создает комические ситуации. В этом томе публикуется самое известное произведение Джерома «Трое в лодке, не считая собаки», а также его продолжение, повесть «Трое на четырех колесах», рассказывающая о путешествии трех наших старых знакомых – Джорджа, Гарриса и автора – по Германии.

УДК 821.111

ББК 84(4Вл)

© Джером Д. К.
© Алгоритм

Содержание

Трое в лодке, не считая собаки	6
Предисловие	6
I	7
II	13
III	17
IV	22
V	28
VI	34
VII	41
VIII	46
IX	54
X	60
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Джером Клапка Джером
Трое в лодке, не считая собаки.
Трое на четырех колесах (сборник)

© ООО ТД «Издательство Мир книги», оформление, 2010

© ООО «РИЦ Литература», состав, комментарии, 2010

* * *

Трое в лодке, не считая собаки **Перевод Е. Кудашевой**

Предисловие

{1}

Главная красота этой книги заключается не столько в ее литературном слоге или в количестве и полноте содержащихся в ней сведений, сколько в ее простодушной правдивости. Страницы ее являются записью действительных событий. Оставалось только слегка расцветить их; но за это не взималось дополнительной платы. Джордж, Гаррис и Монморанси – не поэтические идеалы, но существа из плоти и крови, – в особенности Джордж, который весит около ста семидесяти фунтов. Другие сочинения могут превзойти это глубиной мысли и знания человеческой природы; могут соперничать с ним оригинальностью и размерами; но в отношении безнадежной и неисправимой правдивости ничто из донныне открытого не в состоянии превзойти его. Более всех прочих его прелестей упомянутое свойство увеличит ценность этим рассказам в глазах вдумчивого читателя и придаст лишний вес уроку, преподанному им.

Лондон, август, 1889

^{1} Роман впервые издан в 1899 г.

I

Трое больных. – Страдания Джорджа и Гарриса. – Жертва ста семи смертельных недугов. – Полезные рецепты. – Исцеление болезней печени у детей. – Мы сходимся на том, что переутомились и нуждаемся в отдыхе. – Неделя на волнующейся пучине. – Джордж предлагает реку. – Монморанси заявляет протест. – Первоначальное предложение принимается большинством трех голосов против одного

Нас было четверо – Джордж, Вильям Сэмюел Гаррис, я и Монморанси. Мы сидели в моей комнате, покуривая и толкуя о том, как мы плохи, – разумеется, я хочу сказать, с медицинской точки зрения.

Все мы расклеились и серьезно этим озаботились. Гаррис объявил, что на него временами находят такие необычайные приступы головокружения, что он сам не знает, что делает; а потом Джордж сказал, что с ним случаются также припадки головокружения, и тогда он едва знает, что делает. Что до меня, у меня была не в порядке печень. Знал же я это потому, что только что прочел рекламу патентованных пилюль для печени, в которой описывались различные симптомы, помогающие человеку распознать, что его печень не в порядке. У меня имелись все до одного.

Странное дело, я не могу прочесть ни одного объявления о каком-нибудь новоизобретенном средстве от той или иной болезни, не убедившись в то же время, что я страдаю ею, и притом в самой злокачественной форме.

Я всегда нахожу у себя все ее признаки и симптомы.

Помню, как-то раз, чувствуя себя не совсем здоровым (кажется, это была простая лихорадка), я пошел в библиотеку Британского музея^{2} посмотреть в медицинском словаре, какими средствами нужно лечиться от лихорадки. Я добыл книгу и вычитал все, что мне было нужно, затем, от нечего делать, начал перелистывать ее дальше, изучая разные болезни. Не припомню теперь, что первое попало мне на глаза, – знаю только, что это был какой-то страшный, губительный недуг, один из бичей человечества. Еще не дочитав до конца описи симптомов болезни, я уже убедился, что она гнездится в моем теле.

Оледенев от ужаса, я несколько минут сидел без движения, потом с горя начал перелистывать дальше. Напал на тифозную горячку, просмотрел симптомы и обнаружил, что я, несомненно, болен тифом, болен уже несколько месяцев, сам того не зная! Надо посмотреть, нет ли еще чего? Дошел до пляски святого Витта^{3}, – так и есть, и тут все признаки налицо. Это меня заинтересовало, и я решил узнать всю правду до конца. Прочел о перемежающейся лихорадке и узнал, что болен и ею, но острый период наступит только через две недели. Брайтова болезнь^{4} у меня была, но, к счастью, в измененной форме: с этим можно еще жить, и довольно долго. Зато холера оказалась у меня с тяжелыми осложнениями, а дифтерит, должно быть, у меня был врожденный. Словом, я добросовестно перебрал все болезни по алфавиту и пришел к заключению, что у меня нет только одной – хронической язвы голени!

Вначале я даже немного обиделся, точно мне оказали неуважение. Что за гнусность! Почему бы у меня не быть и хронической язвы голени? Почему она должна составлять исключение? Однако, поразмыслив немного, я успокоился. Ведь, кроме нее, у меня были все

^{2} Библиотека Британского музея – библиотека одного из крупнейших музеев мира, расположенного в Лондоне, основанного в 1753 г. Выполняет функции национальной библиотеки страны.

^{3} Пляска святого Витта – нервное заболевание, при котором тело больного охватывают неконтролируемые мучительные мышечные сокращения.

^{4} Брайтова болезнь – заболевание почек, впервые описанное в 1827 г. английским врачом Р. Брайтом (1788–1858).

болезни, известные в медицине. Надо умерить свой эгоизм и как-нибудь обойтись без хронической язвы голени. Злостная подагра уже давно терзала меня, а я даже и не подозревал о ее присутствии. Это была последняя болезнь, описанная в лексиконе, так что и болеть мне больше было нечем.

Я сидел и раздумывал о том, какой я интересный субъект с медицинской точки зрения и какой находкой был бы я для медицинского факультета. Студентам не пришлось бы бегать по госпиталям – я один стою целого госпиталя! Студентам достаточно было бы изучить одного меня, чтобы сдать экзамен и получить докторский диплом.

Далее я задался вопросом: много ли еще мне осталось жить? Я попробовал сам себя исследовать. Стал щупать пульс, но сначала не мог даже найти его. Потом пульс вдруг забился, и очень сильно. Я вынул часы, стал считать и насчитал 147 ударов в минуту. Попытался выслушать сердце, но и сердца не мог найти. Оно перестало биться.

В конце концов я поневоле пришел к убеждению, что оно все время оставалось на месте и, следовательно, должно было биться. Но найти его я все же не мог, почему – объяснить не сумею. Я ощупал свою грудь, начиная с того места, которое я называю своей талией, и вплоть до головы, ощупал бока, даже закладывал руку за спину, – все напрасно! Я ничего не чувствовал и не слышал. Оставалось осмотреть язык. Я высунул его, насколько мог, закрыл один глаз и начал присматриваться другим. Виден был самый кончик. Из этого осмотра я вынес только одно: окончательное убеждение в том, что у меня скарлатина!

Я вошел в читальню здоровым, счастливым человеком, а вышел из нее еле волоча ноги, дряхлой развалиной.

Я немедленно отправился к своему доктору. Мы с ним старые друзья. Когда мне кажется, что я болен, он щупает у меня пульс, смотрит язык, болтает о погоде и не берет денег; поэтому я решил, что мне, по всей справедливости, следует пойти к нему и теперь. Я говорил себе: «Что нужно доктору? Практика. Я дам ему практику. В смысле практики я стою сотни обыкновенных пациентов, у которых не бывает больше чем по одной, по две болезни!»

Итак, я отправился прямо к нему. Прихожу. Он спрашивает:

– Ну-с, что с вами такое?

– Милый друг, – говорю я, – не хочу отнимать у вас золотого времени и потому не стану рассказывать, что со мной. Жизнь коротка, и вы можете умереть раньше, чем я кончу. Я лучше скажу вам, чем я не болен. Я не болен хронической язвой голени. Почему я ею не болен, сказать не сумею, но факт остается фактом – этой болезни у меня нет. Зато все остальное налицо.

И я рассказал ему, как я пришел к такому заключению.

Доктор велел мне расстегнуться, смерил меня взглядом, завладел моей рукой, стукнул меня по груди в такой момент, когда я этого вовсе не ожидал (по-моему, это низость), и сейчас же вслед за тем боднул меня головой в бок. Затем он сел, написал рецепт, сложил его и подал мне, а я, не читая, сунул его в карман и ушел.

Войдя в первую попавшуюся аптеку, я подал рецепт провизору. Он прочел и возвратил мне его обратно, говоря, что «этого они не держат».

– Как, разве здесь не аптека?

– Вот именно аптека! Будь у меня гостиница с рестораном, я мог бы помочь вам, а теперь – извините. Я – аптекарь, а не трактирщик!

Я развернул рецепт я прочел:

«1 порция бифштекса и 1 бутылка портину каждые 6 часов.

По утрам гулять не меньше двух часов.

Ложиться спать ровно в 11 и не забивать себе голову вещами, которых не понимаешь».

Я в точности исполнил предписание доктора, и результат получился блестящий, – для меня лично, – так как я до сих пор жив и не собираюсь пока умирать.

В данном случае, если мы возвратимся к рекламе пиллюль для печени, симптомы, вне сомнения, оказывались налицо, причем главным из них было «общее нерасположение к работе какого бы то ни было рода».

Никаким языком не выразить, как я страдаю в этом отношении. Я был мучеником с самого раннего детства. В отрочестве едва ли я знал день отдыха от этой болезни. В то время не подозревали, что она происходит от печени. Наука медицины не достигла еще тогда теперешнего развития, и все сваливали на лень.

– Ах ты, скверный бесенок, – бывало, говорят мне, – поворачивайся-ка, потрудись-ка и ты за хлеб насущный! – не зная, разумеется, что я болен.

И пиллюлями меня тогда не кормили, а кормили тумакими по голове. И, как это ни покажется странным, но эти тумакимы нередко излечивали меня – по крайней мере, на время. Случалось, что единственный тумак по голове имел больше действия на мою печень и внушал мне больше нетерпения отправиться, не теряя времени, и тут же проделать то, что требовалось сделать, чем целая коробка пиллюль в настоящее время.

Знаете ли, это часто так бывает, – простые, старомодные средства иной раз оказываются действеннее целой аптеки.

Мы просидели так с полчаса, описывая друг другу свои болезни. Я объяснил Джорджу и Вильяму Гаррису, что я испытываю, когда встаю поутру; а Вильям Гаррис поведал нам, как себя чувствует, ложась в постель; что же касается Джорджа, он стоял на коврике перед камином и талантливо изображал в лицах, что с ним происходит по ночам.

Джордж *воображает* себя больным; но надо вам знать, что на самом деле у него никогда не бывает ничего серьезного.

В этот момент в дверь постучалась миссис Поппетс с вопросом, угодно ли нам ужинать. Мы печально улыбнулись друг другу и заметили, что придется попытаться что-нибудь проглотить. Гаррис сказал, что часто удается отдалить приступ болезни с помощью полного желудка. Тогда миссис Поппетс внесла поднос, и мы подсели к столу: слегка отведали рост-бифа с луком и закусили тортом с ревенем.

Уж верно, я был слаб в это время: отлично помню, что по прошествии первого получаса пища перестала меня интересовать – необычайное для меня состояние, – и я даже не стал есть сыра.

Исполнив этот долг, мы заново наполнили стаканы, зажгли трубки и возобновили прежний спор по вопросу о здоровье. Что такое именно с нами, ни один из нас сказать не умел; но все мнения сходились на том, что оно – чем бы оно ни было – вызвано переутомлением.

– Отдых – вот единственное, что нам нужно, – сказал Гаррис.

– Отдых и полная перемена обстановки, – поддакнул Джордж. – Чрезмерное напряжение мозга вызвало общую подавленность всей системы. Перемена впечатлений и отсутствие необходимости мышления восстановят духовное равновесие.

У Джорджа есть родственник, обыкновенно обозначаемый на податном листке студентом-медиком, благодаря чему он, естественно, усвоил способы выражения домашних врачей.

Я согласился с Джорджем и предложил разыскать какое-нибудь уединенное, старосветское местечко, вдали от безумствующей толпы, и промечтать солнечную недельку в его дремотных долинах. Какой-нибудь полузабытый уголок, запрятанный волшебницами вне доступа шумного света, – причудливое гнездо, прилепившееся к утесам времени, куда вздымающиеся валы девятнадцатого века будут доноситься слабыми и далекими звуками.

Гаррис сказал, что в таком месте, вероятно, будет скучно. Он объявил, что знает: я понимаю такое место, где все ложатся спать в восемь часов, ничего нельзя достать ни за какие деньги и приходится ходить за десять миль за табаком.

– Нет, – сказал Гаррис, – если хотите отдыха и перемены, ничто не превзойдет морской прогулки.

Я решительно восстал против морской прогулки. Морская прогулка хороша, когда у тебя два месяца впереди, но на одну неделю это грешно.

Отчаливаешь в понедельник, втемняшив себе в голову убеждение, что будешь наслаждаться. Пошлешь воздушные приветы оставшимся на берегу, запалишь самую громадную из своих трубок и примешься выступать по палубе, чувствуя себя капитаном Куком^{5}, сэром Фрэнсисом Дрейком^{6} и Христофором Колумбом^{7} в одно и то же время. Во вторник жалеешь, что поехал. В среду, четверг и пятницу призываешь смерть. В субботу становишься способным проглотить немного мясного бульона и сидеть на палубе и отвечать с бледной, нежной улыбкой, когда добрые люди спрашивают, как ты теперь себя чувствуешь. В воскресенье снова начинаешь разгуливать и есть твердую пищу. А в понедельник утром, когда стоишь у трапа с саквояжем и зонтиком в руке, дожидаясь высадки, тогда только и начинаешь находить удовольствие в морской прогулке.

Помнится, однажды мой свояк отправился в краткое морское путешествие для здоровья. Он взял билет от Лондона до Ливерпуля и обратно; когда же достиг Ливерпуля, единственным его желанием было продать свой обратный билет.

Говорят, его предлагали по всему городу с огромной скидкой и спустили, в конце концов, за восемнадцать пенсов желчному с виду юноше, только что получившему от своих врачей совет пожить на берегу моря и побольше двигаться.

– Берег моря! – сказал мой свояк, любовно вкладывая ему в руку билет. – Да вам его тут хватит на целую жизнь, уж что касается движения, то вы проделаете больше движений, сидя на этом пароходе, чем проделали бы, кувыряясь на суше!

Сам он – мой свояк – возвратился поездом. Он объявил, что для него достаточно здорова и Северо-Западная железная дорога.

Другой мой знакомый пустился в недельное плавание вдоль по берегу, и перед отплытием буфетчик пришел спросить его, желает ли он платить за стол каждый раз отдельно или за все время сразу.

Буфетчик рекомендовал второй способ как наиболее дешевый. Он сказал, что возьмет с него за всю неделю всего только два фунта пять шиллингов. На завтрак подается рыба, затем что-нибудь жареное. Ленч бывает в час и состоит из четырех блюд. Обед в шесть часов – суп, рыба, закуска, ростбиф, птица, салат, сладкое, сыр и десерт. В заключение легкий мясной ужин в десять часов.

Мой приятель заключил, что изберет систему в два фунта пять шиллингов (он не дурак поест), и так и сделал.

Ленч совпал с тем моментом, когда они только что оставили за собой Ширнесс^{8}. Он оказался не таким голодным, как ожидал, поэтому удовольствовался ломтиком отвар-

^{5} Кук Джеймс (1728–1779) – английский мореплаватель, руководитель трех кругосветных экспедиций, первооткрыватель множества островов в Тихом океане. Убит в стычке с туземцами.

^{6} Дрейк Фрэнсис (1540–1596) – английский мореплаватель, вице-адмирал (1588). Руководитель пиратских экспедиций в Вест-Индию, второго в истории (после Ф. Магеллана) кругосветного путешествия (1577–1580). В 1588 г. фактически командовал английским флотом, разгромившим испанскую Непобедимую армаду – военный флот, созданный для завоевания Англии.

^{7} Колумб Христофор (1451–1506) – испанский мореплаватель, генуэзец по происхождению. Первооткрыватель Америки (1492).

^{8} Ширнесс – приморский город в Англии в графстве Кент.

ного мяса и несколькими ягодами земляники со сливками. В течение дня он предавался долгим размышлениям, и то ему казалось, что он уже целые недели питается одним отварным мясом, то представлялось, что прошли годы с тех пор, как он ничего не брал в рот, кроме земляники со сливками.

И мясо и земляника со сливками также казались неудовлетворенными, чувствовалось, что им как-то не по себе.

В шесть часов пришли доложить, что обед готов. Известие не внушило ему восторга, но он чувствовал, что надо же отработать часть этих двух фунтов и пяти шиллингов, поэтому стал цепляться за веревки и за что попало и спустился вниз. У подножия лестницы его встретил приятный запах лука и горячей ветчины, смешанный с ароматом жареной рыбы и овощей; затем с елеинной улыбкой приблизился буфетчик и осведомился, что ему подать.

– Подайте меня вон отсюда, – был слабый ответ.

Тогда его живехонько вытащили на палубу, прислонили к перилам с подветренной стороны и оставили в покое.

Следующие четыре дня он вел простой и безгрешный образ жизни на тощих капитанских сухарях (я хочу сказать, что тощими были сухари, а не капитан) и содовой воде; но к субботе уже набрался форсу настолько, что разрешил себе жиденького чаю с гренком, а в понедельник заливался куриным бульоном. Во вторник он расстался с пароходом и с сожалением проводил его глазами, когда тот, пыхтя, отдалялся от пристани.

– Уходит себе, – сказал он, – уходит и уносит с собой на два фунта принадлежащей мне провизии, которой я не воспользовался.

По его словам, если бы ему накиннули хоть один денек, он успел бы еще поквитаться с ними.

Итак, я восстал против морской прогулки. Не ради себя самого, как я пояснил им. Мне никогда не бывает дурно. Но я боялся за Джорджа. Джордж объявил, что нисколько не болел бы и даже наслаждался бы морем, но советует Гаррису и мне даже и не помышлять о том, ибо он уверен, что мы оба раскиснем. Гаррис возразил, что для него всегда было тайной, каким это образом люди ухитряются болеть на море; он подозревает, что они это проделывают нарочно из жеманства; сам же он много раз хотел заболеть, да не сумел.

Затем он стал рассказывать анекдоты о том, как переправлялся через Ла-Манш в такую бурную погоду, что приходилось привязывать пассажиров к койкам, и на всем пароходе только и осталось здоровых, что он и капитан.

В другой раз это были он и помощник штурмана, но всегда он и еще кто-нибудь. Если не он и еще кто-нибудь, то один он.

Странное дело, но никто никогда не бывает подвержен морской болезни на суше. На море же встречаешься с пропастью совсем больных людей – прямо-таки полными пароходами; но я ни разу еще не повстречал на суше человека, когда-либо испытывавшего морскую болезнь. Куда прячутся тысячи тысяч подверженных ей людей, когда попадают на землю, остается для меня тайной.

Если большинство людей похожи на человека, однажды виданного мною на ярмутском^[9] пароходе, тогда мнимая загадка разрешается более чем легко. Помнится, мы только что отчалили от пристани Саутэнда^[10], и он свесился с палубы под очень опасным наклоном. Я приблизился, чтобы попытаться спасти его.

– Эй вы! Отодвиньтесь-ка от борта, – сказал я, тряся его за плечо. – Вы свалитесь.

– Ох! Когда бы я только мог свалиться! – было единственным его ответом.

Так и пришлось его оставить.

^[9] Ярмут – крупный город в Англии в графстве Норфолк, рыболовный порт и курорт.

^[10] Саутэнд – город в Англии в графстве Эссекс, одно из традиционных мест отдыха лондонцев.

Три недели спустя я встретился с ним в кофейне батской^{11} гостиницы. Он рассказывал о своих путешествиях и с восторгом объяснял, как любит море.

– Хорошо ли переношу его? – отозвался он в ответ на завистливый вопрос скромного молодого человека. – Да признаюсь, что раз как-то я точно чувствовал себя не в своей тарелке. Было это у мыса Горн^{12}. На следующее утро корабль погиб.

Я сказал тогда:

– Не было ли вам однажды не по себе у Саутэндской пристани, когда вы мечтали свалиться за борт?

– Саутэндской пристани? – повторил он с видом недоумения.

– Ну да, по пути в Ярмут, в пятницу, три недели назад.

– О-ах, да, – ответил он, оживляясь, – теперь припоминаю. Действительно, у меня в этот день разболелась голова. Из-за пикулей, знаете ли. Никогда еще я не отвеживал таких позорных пикулей на уважающем себя пароходе. Не пришлось ли вам их попробовать?

Что касается меня, я изобрел превосходный способ уберечься от морской болезни путем балансирования. Стоишь в центре палубы и, когда судно вздымается и ныряет, двигаешь телом с таким расчетом, чтобы оно всегда оставалось прямым. Когда поднимается передняя часть судна, наклоняешься вперед, пока не коснешься носом палубы; когда же поднимается задний его конец, отклоняешься назад. Все это отлично на час-два, но нельзя же балансировать в продолжение недели. Джордж предложил:

– Отправимся вверх по реке.

Там, по его словам, мы получим свежий воздух, движение и покой; постоянная смена картин займет наши умы (включая тот, что имеется у Гарриса), а мускульный труд снабдит нас аппетитом и хорошим сном.

Гаррис сказал, что считает нежелательным для Джорджа делать что бы то ни было, способное увеличить его сонливость: это может оказаться опасным. Он не вполне понимает, каким образом Джордж может спать больше, чем теперь, ввиду того, что в сутках как зимой, так и летом бывает не больше двадцати четырех часов; но если только он может ухитриться спать больше, то еще проще было бы умереть и сделать экономию на столе и квартире.

Тем не менее Гаррис объявил, что река – первое дело. Я также нашел, что река – первое дело, и Гаррис и я оба сказали, что мысль Джорджа удачна; и сказали мы это тоном, дававшим понять, что нас удивляет, как это Джордж мог показать себя таким рассудительным.

Один только Монморанси не был приятно поражен предложением. У него иногда сердце не лежало к реке.

– Вам, ребята, хорошо, – говорил он, – вам это нравится, а мне нет. Мне там делать нечего. Пейзажи не по моей части, курить я не курю. Если завижу крысу, вы не останавливаетесь; а случится мне заснуть, начнете дурачиться с лодкой и смахнете меня за борт. Если спрашиваете моего мнения, я считаю всю эту затею дурацким сумасбродством.

Как бы то ни было, нас было трое против одного, и предложение было принято.

^{11} Бат – город в Англии на реке Эйвон близ Бристольского залива, бальнеологический курорт.

^{12} Мыс Горн – расположен на острове Горн в архипелаге Огненная Земля; крайний южный пункт Южной Америки. Знаменит частыми штормами и ураганами.

II

Обсуждаются планы. — Радости бивака в ясные ночи. — То же в дождливые. — Мы останавливаемся на компромиссе. — Первые впечатления Монморанси. — Опасения, что он чересчур совершенен для мира сего, впоследствии отклоняются как неосновательные. — Заседание закрывается

Мы вытащили карты и принялись обсуждать планы.

Условились отправиться в следующую субботу из Кингстона^{13}. Мы с Гаррисом выберемся с утра и доставим лодку в Честер, где встретимся с Джорджем, которому не удастся освободиться из Сити^{14} раньше послеполуденных часов (Джордж спит в банке с десяти часов до четырех ежедневно, исключая субботы, когда его будят и выталкивают в два).

Будем ли мы ночевать на биваке или в гостиницах?

Джордж и я стояли за бивак. Это будет так вольно и дико, так патриархально.

Золотистое воспоминание о солнце медленно угасает в сердцах холодных, печальных облаков. Умолкнув, как пригорюнившиеся дети, птицы прекратили песни, и только жалобный клик водяной курочки и резкое карканье дергача нарушают благоговейное затишье на лоне вод, на котором умирающий день испускает последнее дыхание.

По обоим берегам из смутных лесов ползут призрачные рати ночи, серые тени, подкрадываясь неслышной поступью к мешкающему арьергарду света и подвигаясь незримыми шагами над кивающей осокой и сквозь вздыхающие камыши; и ночь на мрачном своем престоле складывает темные крылья над меркнувшим миром и царит в безмолвии, заседа в озаренном бледными звездами туманном чертоге.

Тогда мы заводим свою лодочку в тихий уголок, раскидывается палатка, готовится и съедается скромный ужин. Набиваются и зажигаются большие трубки, тихо и музыкально звучит отрадная беседа; а в промежутках играющая вокруг лодки река болтает о диковинных старых сказках и тайнах, тихо напевает старую детскую песенку, которая звучит уже так много тысяч лет и будет звучать еще столько же, прежде чем ее голос огрубеет и состарится; а мы, научившиеся любить ее переменчивое лицо, мы, так часто принимавшие к ее мягкому лону, воображаем, что понимаем эту песенку, хотя и не могли бы пересказать простыми словами поведанную нам повесть.

Так мы сидим на ее берегу, в то время как луна, также ее любящая, склоняется поцеловать ее сестринским поцелуем и обвивает ее серебряными руками; а мы смотрим, как она течет, все лепеча, все напевая, навстречу властелину-морю, пока голоса наши не умолкнут и трубки не погаснут. И странные, полурадостные-полупечальные мысли овладевают нами, в сущности достаточно заурядными, будничными юношами, и нет охоты говорить. Наконец мы встаем со смехом и, выколов догоревшие трубки, вымолвив «Доброй ночи», засыпаем под тихими большими звездами, убаюканные плещущей водой и шелестящими деревьями. И снится нам, что земля снова молода, — молода и нежна, какой была прежде, чем века забот и тревог избородили ее прекрасный лик, прежде чем грехи и безумие ее детей состарили ее любящее сердце, — снова нежна, как в минувшие дни, когда, став впервые матерью, нянчила нас, детей своих, на собственной глубокой груди, прежде чем ухищрения размалеванной цивилизации выманили нас из ее любящих объятий, а ядовитые насмешки искусственности внушили нам стыд к простому житию, которое мы вели с ней, и простому величавому жилищу, в котором родилось человечество столько тысяч лет назад.

^{13} *Кингстон* — в древности был городом, где короновались саксонские правители; в настоящее время вошел в состав Лондона.

^{14} *Сити* — центральная часть Лондона, место расположения офисов крупнейших компаний и банков Великобритании.

Гаррис заметил:

– А если пойдет дождь?

Вдохновить Гарриса нет никакой возможности. В Гаррисе нет поэзии – нет дикого стремления к недостижимому. Он никогда не плачет «сам не зная почему». Если глаза Гарриса наполняются слезами, можно держать пари, что он ел сырой лук или хватил с котлетой лишней горчицы.

Стоишь, например, вечером с Гаррисом на берегу моря и говоришь:

– Чу! Слышишь ли? То поют русалки, притаившись глубоко под колышущейся волной, или унылые духи отпевают белые тела, задержанные водорослями?

Гаррис возьмет тебя под руку и скажет:

– Знаю, в чем дело, старина, ты схватил простуду. Пойдем-ка со мной. Здесь, за углом, я знаю местечко, где можно выпить лучшего шотландского виски, которое тебе когда-либо приходилось отведать – не успеешь оглянуться, все как рукой снимет.

Гаррису всегда известно местечко за углом, где можно получить что-нибудь выдающееся из области напитков. Сдается мне, что, если бы встретиться с Гаррисом в раю (допуская возможность подобного события), он бы немедленно приветствовал вас следующими словами:

– Так рад, что ты пришел, старина; я разыскал здесь, за углом, славное местечко, где можно получить действительно первоклассный нектар.

В настоящем случае, однако, касательно ночевки на открытом воздухе, его практический взгляд на вещи явился своевременным напоминанием. Бивак в дождливую погоду действительно малоприятен.

Вечер. Вы промокли до костей, а в лодке добрых два дюйма воды, и все вещи отсырели. Разыскиваете на берегу место, менее слякотное, чем остальные, причаливаете, выгружаете палатку, и двое из вас принимаются укреплять ее.

Палатка вымокла и отяжелела, и треплется по воздуху, и падает на вас, и липнет к вашей голове, и сводит вас с ума. Все это время не переставая льет дождь. Даже и в сухую погоду установить палатку дело нелегкое, в дождливую – это геркулесов^{15} труд. Вместо того чтобы вам помогать, вам представляется, что ваш товарищ просто валяет дурака. Только что установишь свою сторону чудеснейшим образом, как вдруг он что есть силы дернет со своего конца и сразу испортит все дело.

– Эй! что ты там вытворяешь? – кричите вы.

– Что *ты* вытворяешь? – огрызается он. – Отпусти, слышишь, отпусти!

– Не тяни, ты все портишь, тупоголовый осел! – ревете вы.

– Вовсе нет! – взвизгивает он. – Отпусти *ты* со своего конца.

– Говорю тебе, что у тебя все навыворот! – гремите вы, жалея, что не можете до него добраться, и так встряхиваете веревками, что все его колья выскакивают из земли.

– Ах он идиот негодный! – бормочет он про себя; затем следует яростное сотрясение, и ваша сторона палатки взлетает кверху. Вы бросаете молоток и отправляетесь вокруг палатки, с целью изложить ему свой взгляд на вещи; а он одновременно отправляется в том же направлении, дабы объяснить вам, что он о вас думает. Так вы и гоняетесь друг за другом, не переставая ругаться, пока палатка не свалится бесформенной грудой, и, увидев друг друга поверх ее развалин, вы с негодованием восклицаете в один голос:

– Ну вот! Что я тебе говорил?

^{15} Геркулес – в римской мифологии (в греческой – Геракл) сын верховного бога Юпитера (Зевса) и смертной женщины, обладавший необычайной силой и совершивший множество подвигов.

А третий человек, тот, что выкачивал воду из лодки, наливал ее себе в рукав и последовательно ругался про себя в продолжение последних десяти минут, – осведомляется, в какую дурацкую игру вы играете и почему это окаянная палатка до сих пор еще не раскинута?

Наконец, так или иначе, она оказывается установленной, и вы выгружаете свои пожитки. Развести костер совершенно безнадежное дело, поэтому вы зажигаете спиртовку и льнете к ней. Первое место за ужином занимает дождевая вода. Хлеб на две трети состоит из дождевой воды, пирог изобилует ею, и варенье, масло, соль и кофе – все присоединились к ней, чтобы составить суп.

Пожинав, вы удостоверяетесь, что табак отсырел и курить нельзя. К счастью, у вас имеется про запас бутылка того добра, которое веселит душу и опьяняет, если отведать его в должном количестве, и благодаря ему в вас пробуждается достаточно интереса к жизни, чтобы захотелось лечь спать.

Но тут вам снится, что к вам на грудь внезапно уселся слон, что произошло извержение вулкана, повергшее вас на дно морское, в то время как слон продолжает спокойно спать у вас на груди. Вы просыпаетесь с представлением, что на самом деле случилось нечто ужасное. Первая ваша мысль – наступил конец света; затем вы рассуждаете, что это невозможно, что дело идет о ворах, убийцах или пожаре, и высказываете это мнение соответствующим образом. Помощи, однако, никакой не следует, и вы знаете только одно, что вас молотят ногами тысячи людей и что вы задыхаетесь.

Притом становится очевидным, что страдаете не вы один. Чьи-то смутные крики доносятся из-под вашей постели. Решив во всяком случае дорого продать свою жизнь, вы боретесь с яростью, молотя направо и налево руками и ногами и не переставая вопить во все горло; и вот, наконец, что-то расступается, и ваша голова оказывается на свободе, на расстоянии двух футов вы смутно различаете полуодетого мужлана, собирающегося вас убить, и готовитесь к борьбе не на живот, а на смерть, как вдруг вас осеняет сознание, что это Джим.

– А? Это ты? – говорит он, признавая вас в ту же минуту.

– Да, – отвечает вы, протирая глаза. – Что такое случилось?

– Опрокинуло негодную палатку, как мне сдается, – говорит он. – А где же Билл?

Тут вы оба возвышаете голос и взываете к «Биллу», и земля под вами качается, колыхается, и слышанный вами раньше голос откликается из-под развалин:

– Уберетесь вы с моей головы или нет?

И наружу выкарабкивается Билл, грязный и помятый и вдобавок в неуместно задорном настроении, ибо он, очевидно, убежден, что все это было сделано нарочно.

Потру вы все трое без голоса благодаря схваченной ночью сильной простуде; кроме того, сварливо настроены и во время завтрака ругаетесь хриплым голосом между собой.

Поэтому мы решили, что будем устраивать стоянки в ясные ночи, а в сырую погоду или же просто когда нам заблагорассудится ночевать в гостиницах, трактирах и харчевнях, как почтенные люди.

Монморанси встретил это решение с полным одобрением. Поэтическое уединение мало восхищает его. Ему подавай что-нибудь пошумнее, и чем вульгарнее, тем лучше. Глядя на Монморанси, вы подумали бы, что это ангел, ниспосланный на землю, по неведомой человечеству причине, в виде маленького фокстерьера.

Наблюдающееся в Монморанси выражение «О, как греховен сей мир и как бы я желал сделать его лучше и благороднее» не раз вызывало слезы на глазах набожных старичков и старушек.

Когда он впервые пришел жить на моем иждивении, я и не надеялся, что мне удастся надолго сохранить его.

Бывало, сижу и смотрю на него сверху вниз, в то время как он сидит на коврике и смотрит на меня снизу вверх, и думаю: «О, эта собака долго не проживет. Ее возьмут на небо в колеснице, вот что с ней случится».

Но после того как я уплатил за дюжину задушенных им цыплят и вытащил его за шиворот, рычащего и дрыгающего лапами, из ста четырнадцати уличных драк, и созерцал мертвую кошку, предъявленную мне разъяренной особой женского пола, обозвавшей меня убийцей, и был вызван в суд живущим через дом человеком за то, что держу на свободе свирепого пса, продержавшего его в осаде два часа кряду в холодную ночь в его собственном сарае для инструментов, откуда он не смел показать носа, и узнал, что мой садовник выиграл без моего ведома тридцать шиллингов^{16} на пари благодаря его проворству в ловле крыс, – тогда я начал подозревать, что, быть может, Монморанси и пробудет еще немного на земле.

Околачиваться у конюшен, набрать стаю самых непозволительных собак, каких только можно разыскать в целом городе, и повести их в поход по притонам, на бой с другими непозволительными собаками, – вот как Монморанси понимает «жизнь» и вот почему, как я уже говорил, предложение, касающееся трактиров и постоянных дворов, заслужило самое недвусмысленное его одобрение.

Разрешив таким образом вопрос о ночевках к удовлетворению всех четырех, нам оставалось обсудить, что мы возьмем с собой; и только мы начали это обсуждение, как Гаррис заявил, что с него достаточно разглагольствований на один вечер, и предложил пойти проветриться, так как он разыскал местечко за углом, около сквера, где можно получить каплю действительно недурной ирландской водки.

Джордж сказал, что хочет пить (я не помню случая, когда бы Джорджу не хотелось пить); ввиду же имевшегося у меня предчувствия, что немножко горячего виски с ломтиком лимона принесет пользу моей болезни, прения были единодушно отсрочены до следующего вечера, и собрание надело шляпы и разошлось.

^{16} Шиллинг – до реформы 1970 г. английская монета, равная 12 пенсам.

III

Обсуждение подробностей. – Рабочие приемы Гарриса. – О том, как пожилой отец семейства вешает картину. – Джордж делает разумное замечание. – Радости раннего утреннего купания. – Запас на тот случай, если лодка опрокинется

Итак, на следующий вечер мы снова собрались для обсуждения и утверждения планов. Гаррис сказал:

– Ну, первым делом надо решить, что брать с собой. Ты, Джей, достань лист бумаги и записывай, а ты, Джордж, раздобудь прејскурант бакалейной лавки. Дайте кто-нибудь карандаш, я составлю список.

Как это похоже на Гарриса, – вечно готов взять все тяготы и переложить их на чужие плечи!

Он всегда напоминает мне покойного дядю Поджера. Вы никогда в жизни не видели такого столпотворения в доме, как когда мой дядюшка Поджер брался сделать какое-нибудь дело. Бывало, принесут из рамочного заведения картину, и она стоит в столовой, дожидаясь, чтобы ее повесили, и тетушка Поджер спросит, что с ней делать, а дядюшка Поджер ответит:

– О, предоставьте это мне. Пусть никто из вас о ней не беспокоится. Я все сделаю сам.

Тут он снимет сюртук и начнет. Пошлет горничную купить на шесть пенсов гвоздей, потом одного из мальчиков следом за ней сказать, какого размера нужны гвозди; затем, продолжая в том же духе, постепенно перебудоражит весь дом.

– Ну, Билл, – зовет он, – ступай принеси мне молоток, а ты раздобудь мне линейку, Том; да, мне еще понадобится лестничка, да не худо бы также иметь кухонный стул под рукой; а еще, Джим, добеги до мистера Гоглза и скажи: «Папаша кланяется и надеется, что вашей ноге лучше, и не можете ли вы дать ему взаймы ваш ватерпас?» А ты, Мэри, не уходи, потому что кому-нибудь надо мне посветить; а когда горничная вернется, пускай сходит за веревкой; а Том, – где же Том? Том, ты ступай сюда; ты мне понадобишься, чтобы подать картину.

Тут он поднимет картину, и уронит ее, и картина выскочит из рамы, и он попытается спасти стекло, и порежется; затем начнет метаться по комнате в поисках носового платка. Платка он не может найти, потому что платок остался в кармане снятого им сюртука, а он не знает, куда положил сюртук, и весь дом бросается раздобывать инструменты и принимается искать ему сюртук, а он суетится вокруг и мешает им.

– Неужели никто в целом доме не знает, где мой сюртук? Никогда в жизни не видал такой компании – честное слово, не видал. Шесть человек! – и не можете найти сюртук, который я скинул не дальше как пять минут назад! Однако же, признаюсь, из всех...

Тут он встанет и увидит, что сидел на своем сюртуке, и закричит:

– Можете бросить! Я сам уже его нашел. Скорее можно поручить кошке разыскать что-нибудь, чем рассчитывать, что один из вас найдет что бы то ни было.

Когда же пройдет полчаса на перевязку пальца, и достанут новое стекло, и принесут инструменты, лестницу, стул и свечу, он начинает сызнова, между тем как все семейство, включая горничную и судомойку, стоит полукругом наготове для оказания ему помощи. Двоим приходится держать стул, третий помогает ему влезть на него и поддерживает его в равновесии, четвертый подает ему гвоздь, пятый протягивает молоток, а он тогда берет гвоздь и роняет его.

– Ну вот! – говорит он оскорбленным тоном. – Теперь гвоздь упал.

И всем нам приходится ползать на четвереньках и разыскивать гвоздь, в то время как он стоит на стуле, и ворчит, и желает узнать, намерены ли его продержат тут целый вечер.

Гвоздь в конце концов отыскивается, но к этому времени он потерял молоток.

– Где молоток? Куда я девал молоток? Силы небесные! Семь ротозеев, и ни один из вас не знает, что я сделал с молотком!

Мы разыскиваем ему молоток, но тут он не может найти метку, сделанную им на стене для гвоздя, и каждому из нас приходится влезать на стул рядом с ним и смотреть, не разыщем ли ее; и каждый из нас находит ее в другом месте, и он называет всех нас одного за другим дураками, и гонит нас прочь со стула. Тогда он берет линейку, перемеривает, и убеждается, что ему надо отступить на тридцать один дюйм^{17} и три восьмых от угла, и, стараясь сделать расчет в уме, приходит в ярость.

Тогда все мы принимаемся рассчитывать в уме, и все получаем различные результаты и глумимся друг над другом. И в общей перебранке забывается первоначальная цифра, дядюшке Поджеру приходится перемеривать все сначала.

На этот раз он берет шнурок, и в критический момент, когда старый дурак наклоняется со стула под сорокапятиградусным углом, пытаясь дотянуться на три дюйма дальше, чем это возможно, шнурок срывается, и сам он обрушивается на рояль, причем получается поистине удачный музыкальный эффект, когда голова и тело неожиданно соприкасаются со всеми клавишами сразу.

Тогда тетушка Мэри говорит, что не позволит детям стоять и слушать такие слова.

Наконец дядюшка Поджер снова разыскивает свое прежнее место, приставляет к нему гвоздь левой рукой и берет в правую молоток. И с первого же удара попадает себе по толстому пальцу и с воплем роняет молоток на чью-нибудь ногу.

А тетушка Мэри кротко выражает пожелание, чтобы дядюшка Поджер вовремя извести ее в следующий раз, когда соберется вбивать гвоздь в стену, дабы она успела снарядиться на недельку к матери.

– Эх вы, бабье! Всегда заводите возню из-за пустяков! – отвечает дядюшка Поджер, приводя себя в порядок. – Мне такого рода работа прямо-таки доставляет удовольствие.

Следует вторая попытка, и на этот раз гвоздь целиком исчезает в штукатурке, а с ним и половина молотка, а дядя Поджер налетает на стену с достаточной силой, чтобы расплющить себе нос.

Тут мы снова разыскиваем линейку и шнурок, и проделывается новая дырка; и к полуночи картина оказывается повешенной, хотя очень ненадежно и слабо, между тем как вся стена на протяжении нескольких ярдов имеет такой вид, точно ее скребли граблями, и все смертельно утомлены и не в духе, исключая дядюшку Поджера.

– Вот и дело в шляпе, – говорит он, грузно опускаясь со стула на мозоль судомойки и созерцая свою мазню с очевидной гордостью. – Подумать только, бывают люди, которые наняли бы человека для такого пустяка!

Гаррис будет как раз в этом роде, когда постареет, и я так и сказал ему. Я объявил, что ни за что не позволю ему брать на себя столько труда. Я сказал так:

– Нет, *ты* раздобудь бумагу, и карандаш, и преискурант, Джордж пускай записывает, а работать буду я.

Первый сделанный нами список оказался никуда не годным. Явно было, что верхнее течение Темзы не приспособлено для судна, способного вместить все предметы, признанные нами необходимыми. Пришлось порвать список и составить другой.

Джордж заявил:

– Знаете что, мы стоим на совершенно ложном пути. Нам нужно думать не о тех вещах, без которых мы *могли бы* обойтись, но о тех, без которых мы *не можем* обойтись.

Право, Джордж иногда выказывает положительную рассудительность. Вы удивились бы. По-моему, это истинная мудрость, не только относительно данного случая, но и путеше-

^{17} Дюйм – английская мера длины, равная 2,54 см.

ствия вверх по реке житейской вообще. Сколько людей, предпринимающих такое путешествие, нагружают лодку до того, что она готова пойти ко дну от множества дурацких принадлежностей, почитаемых ими существенными для приятности и удобства прогулки, на самом же деле представляющих собой не что иное, как ненужный хлам.

Как загромождают они бедное суденышко до верха мачты богатыми одеждами и большими домами; ненужными слугами и ватагой напыщенных знакомых, которые ни в грош их не ставят и за которых сами они не дадут ни пенса; дорогими развлечениями, никому не доставляющими удовольствия, формальностями и модами, притворством и тщеславием, и – о грузнейший безумный хлам из всех! – страхом того, что подумает их ближний, роскошью, которая пресыщает до тошноты, удовольствиями, которые лишь досаждают, пустой видимостью, которая, как, бывало, железный венец преступника, язвит и утомляет украшенную им измученную голову!

Хлам, братец, – все хлам! Швыряй его за борт. Он так отягощает лодку, что ты чуть не лишаешься сил на веслах. Из-за него становится так трудно и опасно управлять ею, что не знаешь мгновения отдыха от забот и тревог, никогда не улучишь минутки для мечтательной праздности, – некогда тебе любоваться ни воздушными тенями, легко скользящими над водой, ни сверкающими лучами, ударяющими в водяную рябь, ни высокими деревьями, смотрящимися с берега в воде, ни переливающимися золотом и зеленью лесами, ни белыми и желтыми кувшинками, ни темным кивающим тростником, ни осокой, ни кукушкиными слезками, ни голубыми незабудками.

Выброси хлам за борт, дружище! Пусть будет легким твой жизненный челн, бери в него лишь то, что тебе нужно, – простой очаг с простыми радостями, одного-двух друзей, достойных этого звания, кого-нибудь, кого любить, и кого-нибудь, кем быть любимым, кошку, собаку, штуки две трубок, необходимую еду и одежду и побольше необходимого питья, ибо жажда – опасная вещь.

Тогда легче будет вести лодку, тогда она менее будет склонна опрокинуться, а если и опрокинется, это еще полбеды: простой добротный товар не боится воды. Времени хватит не только на одну работу, но и на мечты. Успеешь впивать солнечное сияние жизни – успеешь внимать эоловым мелодиям^{18}, извлекаемым Божиим ветром из окружающих нас струй человеческих сердец, успеешь...

Виноват, честное слово. Совсем позабыл.

Итак, мы предоставили список Джорджу, и он приступил к нему.

– Не станем брать палатки, – предложил он, – возьмем лодку с тентом. Это несравненно проще и гораздо удобнее.

Мысль казалась недурной, и мы согласились. Не знаю, видали ли вы когда-нибудь то, что я подразумеваю. Над всей лодкой устанавливаются железные дуги, поверх натягивается парусина, которая прикрепляется по краям, от носа до кормы, и лодка обращается в маленький домик, очаровательно уютный, хотя и душноватый; но нельзя же и без обратной стороны, как сказал человек, у которого умерла теща, когда к нему явились взыскивать расходы по ее погребению.

Джордж сказал, что при этих условиях нам следует взять с собой по коврику, лампу, мыло, щетку и гребень (общие для всех), по зубной щетке (на каждого), кружку, зубной порошок, бритвенный прибор (похоже на упражнение во французском учебнике, не правда ли?) и пару больших купальных полотенец. Я заметил, что люди всегда делают колоссальные приготовления для купания, когда отправляются просто посидеть у воды, но что, однажды попав туда, они малокупаются.

^{18} Эолова мелодия – музыка ветра; Эол – в греческой мифологии бог ветров.

То же бывает, когда едешь на берег моря. Я всегда твердо решаю – когда обдумываю вопрос в Лондоне, что буду рано вставать каждое утро и бегать окунуться перед завтраком, с благоговением укладываю пару штанов и купальное полотенце. Мои купальные штаны всегда бывают красными. Я довольно нравлюсь самому себе в красных штанах. Они так идут к цвету моего лица. Но, стоит мне добраться до моря, это утреннее купание почему-то кажется мне далеко уже не таким заманчивым, каким казалось в городе.

Наоборот, мне хочется оставаться в постели до последней минуты, а потом спуститься вниз и позавтракать. Раза два добродетель одерживала верх, я поднимался в шесть часов и, одевшись наполовину, брал штаны и полотенце и уныло ковылял к морю. Но удовольствия при этом не испытывал. Право, можно подумать, что кто-то держит про запас особый пронизывающий восточный ветер на случай, если я пойду купаться рано утром, и отбирает все треугольные камни и кладет их сверху, и оттачивает скалы, и присыпает края песком, чтобы я не мог их видеть, и берет море и относит его на две мили дальше, так что мне приходится обхватить самого себя руками и подпрыгивать, дрожа от холода, в шести дюймах от воды. Когда же я, наконец, дойду до моря, оно ведет себя со мной грубо и даже оскорбительно.

Одна огромная волна подхватывает меня и швыряет что ни на есть с самого размаха на нарочно приготовленный для меня камень. И прежде чем я успеваю сказать «Ох! ух!» и рассмотреть, чего я лишился, волна возвращается и уносит меня в открытый океан. Я принимаюсь отчаянно плыть к берегу и задаю себе вопрос, увижу ли я еще когда дом и близких, и жалею, что не был добрее к сестренке мальчиком (я хочу сказать, когда я был мальчиком). Как раз в тот момент, когда я навсегда простился с надеждой, волна удаляется и оставляет меня распластанным, как морская звезда, на песке, и я поднимаюсь, оглядываюсь и вижу, что боролся со смертью на мелководье. Я возвращаюсь вприпрыжку, одеваюсь и ползу домой, где приходится прикидываться, что купание доставило мне удовольствие.

В настоящем случае мы все говорили так, словно намеревались подолгу плавать каждое утро. Джордж сказал, что так приятно проснуться свежим утром в лодке и окунуться в прозрачную воду. Гаррис заметил, что нет ничего лучше для аппетита, чем купание перед завтраком. Ему оно всегда придает аппетит. Джордж возразил, что, если Гаррис будет есть больше обыкновенного, он запротестует против того, чтобы Гаррису позволяли купаться.

По его мнению, и без того придется тащить достаточно провизии для Гарриса против течения.

Однако я заметил Джорджу, насколько будет приятнее иметь Гарриса свежим и опрятным в лодке, хотя бы и пришлось взять несколько лишних сотен фунтов провизии; и он в конце концов согласился со мной.

В заключение решено было взять *три* купальных полотенца, чтобы не заставлять друг друга дожидаться.

Что касается платья, Джордж заявил, что за глаза довольно по два фланелевых костюма на каждого, ибо мы можем сами выстирать их в реке, когда они запачкаются. На вопрос, пробовал ли он сам когда-нибудь стирать фланелевый костюм в реке, он отвечал, что «нет, не совсем он сам; но он знал других, которые это делали, и этого вполне достаточно». И Гаррис и я были довольно глупы, чтобы вообразить, будто он понимает, о чем говорит, и что три почтенных молодых человека, без положения и влияния и без всякого опыта в прачечном деле, действительно могут отмыть свои собственные брюки и куртки в реке Темзе с помощью кусочка мыла.

В грядущие дни, когда было уже поздно, нам пришлось убедиться, что Джордж жалкий обманщик, очевидно, не имевший о данном вопросе никакого представления. Когда бы вы видели, что из этого вышло... но не станем забегать вперед, как говорят в сенсационных фельетонах.

Джордж внушил нам необходимость взять перемену белья и побольше носков, на тот случай, если мы опрокинемся и надо будет переодеться; а также побольше носовых платков, так как они годятся, чтобы вытирать вещи, и по паре кожаных ботинок, кроме полотняных башмаков, ибо они могут нам понадобиться, если мы опрокинемся.

IV

Вопрос о пище. – Возражение против керосина в качестве атмосферы. – Преимущества сыра как спутника в путешествии. – Замужняя женщина покидает свой дом. – Дальнейшие приготовления на случай, если лодка опрокинется. – Я укладываюсь. – Зловредность зубных щеток. – Джордж и Гаррис укладываются. – Ужасающее поведение Монморанси. – Мы отправляемся спать

Потом пошло обсуждение вопроса питания. Джордж сказал:

– Начнем с завтрака. (Джордж так практичен.) Прежде всего на завтрак нам нужна будет сковорода.

Гаррис заметил, что это неудобоваримо, но мы попросили его не быть ослом, и Джордж продолжал:

– Потом еще чайник, котелок и спиртовка.

– Только не керосин, – сказал Джордж с многозначительным взглядом, и мы с Гаррисом согласились с ним.

Раз как-то мы брали керосинку, но «больше никогда». В течение этой недели мы словно жили в лавке, где торгуют керосином. Он просачивался. Нет ничего на свете, что умело бы просачиваться так, как керосин. Мы держали его на носу, и отсюда он просачивался вниз по рулю, пропитывая всю лодку и все имевшиеся на ней предметы по пути, и просачивался в реку, и насыщал пейзаж, и портил атмосферу. Иной раз дул западнокеросиновый ветер, временами восточнокеросиновый, а подчас севернокеросиновый, и даже, пожалуй, южнокеросиновый; но откуда бы он ни дул, с полярных ли снегов или песков пустыни, он неизменно доходил к нам, напоенный ароматом керосина.

А тот все просачивался и портил нам солнечный закат; а уж что касается лунных лучей, то от них положительно так и разлило керосином.

В Марло мы попытались улизнуть от него. Мы оставили лодку у моста и пошли прогуляться по городу, чтобы избежать его, но он отправился следом за нами. Весь город был пропитан керосином. Мы прошли через кладбище, и казалось, точно людей хоронили в керосине. Верхняя улица провоняла керосином; мы удивлялись, как это можно жить на ней. Мы вышли на Бирмингемскую дорогу и прошли мили за милями, но все было без толку, – поля купались в керосине.

В конце этого путешествия мы собрались в полночь на пустынной поляне, под разбитым молнией дубом, и поклялись страшной клятвой (мы сквернословили по этому поводу целую неделю в обыкновенном будничном тоне, но тут было нечто совсем особенное) – никогда больше не брать с собой в лодку керосина.

Таким образом в настоящем случае мы ограничились древесным спиртом. И это тоже порядочная гадость. Пирог и кекс одинаково отдают древесным спиртом, но для внутреннего употребления в больших дозах древесный спирт все же здоровее керосина.

Из прочих яств для завтрака Джордж рекомендовал яйца с беконом, так как это легко готовить, холодное мясо, чай, хлеб с маслом и варенье. На ленч, сказал он, мы можем есть бисквиты, холодное мясо, хлеб с маслом и варенье, – но только *не сыр*. Сыр, подобно керосину, чересчур притязателен. Он завладевает всей лодкой. Он пропитывает корзину и придает сырный запах всему, что в ней находится. Не знаешь, что ешь: пирог ли с яблоками, немецкую колбасу или землянику со сливками. Все одинаково кажется сыром. Слишком уж много в сыре запаха.

Помнится, один мой приятель купил две головки сыра в Ливерпуле. Превосходные были сыры, зрелые и нежные и с запахом в двести лошадиных сил, распространяющимся на три мили и способным сбить человека с ног на расстоянии двухсот ярдов.

Я был в то время в Ливерпуле, и приятель мой просил, если мне все равно, захватить сыры с собой, так как сам он задержится еще дня на два, а сырам, как ему кажется, больше ждать не годится.

– С удовольствием, дружище, – сказал я, – с удовольствием.

Я заехал за сырами и увез их в кэбе. Это была дряхлая каретка, с впряженным в нее разбитым на ноги, закаленным лунатиком, которого его владелец, говоря со мной, назвал в минуту увлечения лошадью.

Я положил сыры сверху, и мы отправились аллюром, сделавшим бы честь любому паровому катку, и все было весело, как похоронный звон, пока мы не завернули за угол.

Тут ветер пахнул сырным запахом прямо на нашего коня. Тот внезапно проснулся и, фыркнув от страха, помчался с быстротой трех миль в час. Ветер продолжал дуть в том же направлении, и, прежде чем мы достигли конца улицы, он развил до четырех миль в час, оставляя далеко позади калек и толстых дам.

Пришлось двум носильщикам помогать кэбмену сдерживать его перед вокзалом, да и то не знаю, одолели ли бы они его, если бы у одного из них не хватило присутствия духа накинуть ему платок на нос и покурить бумагой.

Я взял билет и гордо прошелся со своими сырами по платформе, причем публика почтительно расступалась по сторонам. Поезд был набит битком, и мне пришлось сесть в отделении, где уже находилось семь человек.

Один сердитый старый джентльмен запротестовал, но я, несмотря на это, влез и, положив сыры в сетку, протиснулся на место и заметил с приятной улыбкой, что сегодня жаркая погода. Прошло несколько минут, затем старый джентльмен начал тревожиться.

– Очень здесь душно, – сказал он.

– Совсем невыносимо, – отозвался его сосед.

Тут оба они начали потягивать носом и, по третьему разу вдохнув запах полной грудью, встали, не добавив ни слова, и вышли вон. Тут поднялась толстая дама и сказала: «Безобразие – так беспокоить почтенную замужнюю женщину», собрала кофр и восемь свертков и вышла. Остальные четверо пассажиров просидели еще некоторое время, пока торжественный с виду человек в углу, походивший одеждой и общими приметами на члена бюро похоронных процессий, не заметил, что ему вспоминается о мертвом младенце, тогда трое прочих пассажиров попытались протиснуться в дверь одновременно и столкнулись лбами.

Я улыбнулся черному господину и заметил, что мы остаемся вдвоем на все отделение; он же добродушно засмеялся и ответил, что иные люди затевают целые истории из-за пустяков. Но даже и он впал в странное уныние, когда поезд тронулся, ввиду чего, когда мы прибыли в Кру, я предложил ему выйти и промочить глотку.

Он согласился, и мы протиснулись к буфету, где вопили, и топали ногами, и махали зонтиками в продолжение четверти часа; наконец подошла барышня и спросила, не угодно ли нам чего-нибудь.

– Вы что станете пить? – спросил я, обращаясь к приятелю.

– На полкроны^{19} чистой водки, пожалуйста, мисс, – сказал он.

И, выпив ее, преспокойно убрался и сел в другое отделение, что я называю подлостью.

После Кру я оставался в отделении один, хотя поезд и был переполнен. Когда мы останавливались на станциях, люди замечали пустое отделение и бросались к нему.

– Сюда, сюда, Мэри, поспеши, тут места вдоволь! Ладно, Том, сядем здесь! – перекликались они между собой. И проворно бежали к нему, таща тяжелый багаж, и сражались у двери, чтобы пробиться вперед. Один из них распахивал дверцу, поднимался по ступенькам и отшатывался в объятия стоявшего за ним, и все тогда входили и потягивали носом, а потом

^{19} Полкроны – до реформы 1970 г. английская монета, равная 2½ шиллинга (30 пенсам).

отступали и шли задыхаться в других вагонах или уплатить разницу и ехать в первом классе. Из Хьюстона я отвез сыры в дом моего знакомого.

Когда его жена вошла в комнату, она слегка повела носом, а затем сказала:

– Что такое? Не скрывайте от меня худшего.

Я отвечал:

– Это сыры. Том купил их в Ливерпуле, просил меня привезти их с собой.

Я добавил, что, надеюсь, она понимает, что я тут ни при чем; она же ответила, что не сомневается в этом, но зато Тому от нее достанется, когда он придет домой.

Мой приятель задержался в Ливерпуле дольше, чем предполагал; три дня спустя, не дождавшись его, меня навестила его жена. Она спросила меня:

– Что говорил Том насчет этих сыров?

Я отвечал, что он велел держать их в прохладном месте и чтобы никто их не трогал. Она возразила:

– Едва ли кто пожелает их тронуть. А нюхал ли он их?

Я сказал, что, насколько мне известно, он их нюхал, и добавил, что он, по-видимому, сильно к ним привязан.

– Как вы думаете, расстроит ли его, – спросила она, – если я дам человеку золотой, чтобы он отнес их и закопал в землю?

Я выразил уверенность, что после такого прискорбного события Том никогда в жизни больше не улыбнется. Ее осенила мысль. Она сказала:

– Не согласитесь ли вы хранить их вместо меня? Позвольте прислать их к вам.

– Мэм, – сказал я, – лично я люблю запах сыра, и путешествие с ними из Ливерпуля всегда будет вспоминаться мне как блаженное окончание приятных каникул. Но в этом мире нам следует думать также и о других. Дама, под кровом которой я имею честь обитать, вдова, возможно также, что и сирота. Она питает сильное, можно даже сказать, красноречивое предубеждение против того, чтобы ей, по ее выражению, «наступали на нос». Присутствие сыров вашего мужа в ее доме будет, я инстинктивно это чувствую, понято ею как «наступление на нос»; но да не скажет никто никогда, что я наступаю на нос вдовам и сиротам.

– Прекрасно, – проговорила жена моего друга, вставая, – могу только сказать, что я заберу детей и поселюсь с ними в гостинице, пока эти сыры не будут съедены. Я отказываюсь дальше оставаться с ними в одном доме.

Она сдержала слово, поручив дом судомойке, после того как последняя, на заданный ей вопрос, в силах ли она перенести запах, спросила:

– Какой запах?

Когда же ее подвели вплотную к сырам и велели покрепче принюхать, сказала, что может разобрать слабый запах дыни.

Из этого заключили, что она не может потерпеть большого ущерба от сырной атмосферы, и оставили ее в доме.

Счет в гостинице достиг пятнадцати гиней; и когда мой приятель все посчитал, оказалось, что сыр обошелся ему по восьми шиллингов шести пенсов за фунт. Он сказал, что, хотя и питает большое пристрастие к сыру, однако это ему не по средствам; поэтому он решил от них отделаться.

Он бросил их в канал, но их пришлось вынуть обратно, ибо рабочие на баржах жаловались. Уверяли, что испытывают подлинную дурноту. После этого он однажды вынес их темной ночью и оставил в приходской мертвецкой. Но коронер разыскал сыры и поднял целый скандал.

Он объявил, что это заговор, чтобы пробуждать умерших и тем лишить его куска хлеба.

Наконец мой приятель отделался от них. Он свез их в приморский город и закопал на берегу. Благодаря ему городок совсем прославился. Посетители стали говорить, что никогда

раньше не замечали исключительной крепости воздуха, а слабогрудые и чахоточные так и стремились туда толпами в течение многих лет.

Поэтому, как я ни люблю сыр, но считаю, однако, что Джордж был прав, исключив его из списка.

– Чая нам не надо, – сказал Джордж (лицо Гарриса омрачилось), – а будет добрая, дружная, сборная еда в семь часов, – обед, чай и ужин сразу.

Гаррис несколько приободрился. Джордж предложил взять пирожки с мясом и фруктами, холодное мясо, помидоры, фрукты и зелень. Для питья мы взяли замечательное клейкое произведение Гарриса, которое разбавлялось водой и получало название лимонада, вдоволь чая и бутылку виски, на случай, – сказал Джордж, – если мы опрокинемся.

Сдается мне, что Джордж чересчур напирал на мысль об опрокидывании. По-моему, это нехорошее расположение духа, когда пускаешься в плавание.

Все же я рад, что мы взяли виски. Вина и пива мы не брали. Они не годятся для реки. От них чувствуешь себя тяжелым и ленивым. Стаканчик под вечер, когда околачиваешься в городе и любишь барышнями, вполне уместен; но не пейте вы тогда, когда солнце жарит вам прямо в голову и впереди предстоит серьезная работа.

Перед тем как разойтись, мы в этот вечер составили список того, что нам надлежало взять, и он оказался достаточно пространным. На следующий день, бывший пятницей, мы раздобыли все эти вещи, а вечером сошлись их укладывать. Достали большой саквояж для платья и две большие корзины для провизии и кухонных принадлежностей. Стол сдвинули к окну, сложили все посреди комнаты на полу, сели вокруг и стали смотреть на груды.

Я сказал, что буду укладывать.

Я несколько горжусь своей укладкой. Укладка – один из тех многочисленных вопросов, в которых я лучше осведомлен, чем большинство людей. (Я сам удивляюсь иногда многочисленности этих вопросов.) Я внушил эту истину Джорджу и Гаррису, сказав им, что пускай они лучше предоставят все дело мне. Они согласились с готовностью, в которой было нечто зловещее. Джордж набил трубку и развалился в кресле, а Гаррис положил ноги на стол и зажег сигару.

Едва ли таково было мое намерение. В мой план, само собой разумеется, входил расчет, что я буду всем распоряжаться, а Гаррис и Джордж будут хлопотать под моим надзором, причем все время. «Эх ты!.. Давай сюда, я сделаю. Ну вот, что может быть проще!» – так сказать, буду поучать их.

То, как они отнеслись к моему предложению, раздражило меня. Ничто так не раздражает меня, как зрелище человека, который сидит и ничего не делает, в то время как я работаю.

Я жил однажды с человеком, который доводил меня таким способом до бешенства.

Бывало, валяется на диване и по целым часам наблюдает за тем, что я делаю, следя за мной глазами, куда я ни двинусь по комнате. Он уверял, что ему положительно полезно смотреть, как я вожусь. Глядя на меня, он чувствовал, что жизнь не праздный сон для зеванья и ротозейства, а благородная задача, полная долга и сурового труда. Говорил, что удивляется, как это мог жить, прежде чем встретился со мной, когда ему не приходилось смотреть ни на чью работу.

Я, например, не таков. Я не могу сидеть смирно и смотреть, как другой трудится и надрывается. Так и подмывает меня вскочить и прохаживаться, держа руки в карманах, и наставлять его, как и что делать. Всею виной моя энергическая природа. Тут уж ничего не поделаешь.

Тем не менее я ничего не сказал, но принялся за работу. Дела оказалось больше, чем я предполагал, но, в конце концов, я покончил с саквояжем, сел на него и застегнул ремни.

– А ботинки ты не станешь класть? – спросил Гаррис.

Я оглянулся и увидел, что позабыл их положить. Как это похоже на Гарриса. Разумеется, он не мог сказать ни слова, пока я не стянул саквояж ремнями. А Джордж стал смеяться – этим своим несносным, бессмысленным, тупоголовым, разинутым до ушей хохотом. Как этот смех может взбесить меня!

Я отпер саквояж и уложил ботинки, и тут, когда я уже готовился запереть его, меня осенила ужасная мысль. Уложил ли я свою зубную щетку? Не сумею сказать почему, но я никогда не знаю, уложил ли я свою зубную щетку или нет.

Мысль о зубной щетке, как тень, следует за мной в дороге и отравляет мне существование. Мне снится, что я не уложил ее, и я просыпаюсь в холодном поту, встаю с постели и ищу ее. А поутру я укладываю ее раньше, чем почистил зубы, и снова вынужден раскладываться, чтобы добыть ее, и она всегда оказывается на самом дне; потом я снова укладываюсь и забываю ее, и мне приходится мчаться наверх в последнюю минуту и везти ее на железнодорожную станцию завернутой в носовой платок.

Разумеется, мне пришлось вывернуть из саквояжа все без остатка, и, разумеется, щетка не нашлась.

Я довел все вещи приблизительно до того состояния, в каком они должны были находиться до сотворения мира, когда еще царил хаос. Разумеется, щетки Джорджа и Гарриса попадались мне по восемнадцати раз кряду, но своей я найти не мог. Я положил вещи обратно одну за другой и каждую поднимал кверху и встряхивал. Щетка нашлась в сапоге. Потом я уложил все сначала.

Когда я закончил, Джордж спросил меня, внутри ли мыло. Я ответил, что мне наплевать, внутри ли мыло или нет; захлопнул саквояж и стянул ремни, но увидел, что уложил свой табачный кисет, и вынужден был снова отпереть его. Окончательно запертым он оказался в 10 часов 5 минут пополудни, а оставалось еще уложить корзины. Гаррис сказал, что нам надо пуститься в путь меньше чем через двенадцать часов, и что, пожалуй, будет лучше, если они с Джорджем сделают остальное; и я согласился с ним и уселся посмотреть, а они принялись за дело.

Начали они с легким сердцем, очевидно, намереваясь показать мне, как делается дело. Я не делал замечаний; я только ждал. Когда Джорджа повесят, Гаррис будет худшим укладчиком в мире; я смотрел на груды тарелок, чашек, чайников, бутылок, мисок, спиртовок, пирогов, помидоров, и т. д. и чувствовал, что зрелище будет интересным.

Я не ошибся. Они начали с того, что разбили чашку. Это было их первым подвигом. Сделали они это единственно для того, чтобы показать, что могут сделать, и возбудить к себе интерес.

Потом Гаррис уложил клубничное варенье вместе с помидором и раздавил помидор, и пришлось выбирать помидор из варенья чайной ложкой.

Затем настала очередь Джорджа; он наступил на масло. Я ничего не говорил, но подошел поближе, сел на край стола и стал смотреть. Это бесило их больше, чем все, что я мог бы сказать. Я это чувствовал. Они начали нервничать и суетиться, и наступали на вещи, и клали вещи за спину, и не могли их найти в нужную минуту, и уложили пироги на дно, и положили сверху тяжелые вещи, и продавили пироги.

Всюду, куда только было можно, они насыпали соли, а уж что касается масла! Никогда во всю свою жизнь я не видел, чтобы два человека натворили столько дел с куском масла, ценой в один шиллинг два пенса! После того как Джордж соскреб его со своей туфли, они попытались вложить его в котелок. Оно не лезло, а то, что влезло, не хотело вылезать обратно. Наконец они выскребли его вон и положили на стул, и Гаррис тотчас сел на него, и масло пристало к нему, а они пошли разыскивать его по всей комнате.

– Я готов присягнуть, что положил его на этот стул, – сказал Джордж, уставившись на пустое сиденье.

– Я сам видел, как ты его клал не далее как минуту назад, – подтвердил Гаррис.

Снова они отправились вокруг комнаты на розыски и снова сошлись посредине и воззрились друг на друга.

– Удивительнейший случай! – заметил Джордж.

– В высшей степени таинственный! – подтвердил Гаррис.

Тут Джордж зашел Гаррису в тыл и увидал масло.

– Да вот же оно, тут как тут! – воскликнул он с негодованием.

– Где? – крикнул Гаррис, поворачиваясь и устремляясь куда-то.

– Да стой же ты смирно! Куда это ты? – заревел Джордж, бросаясь в погоню.

Тогда они сняли его и упаковали в чайник.

Монморанси, как и следовало ожидать, принимал во всем участие. У Монморанси одна только честолобивая мечта в жизни: попасться под ноги и быть обруганным. Если ему удастся протиснуться туда, где он особенно неуместен, и отравить всем существование, и присутствующие выйдут из себя и будут швырять в него чем попало, только тогда он чувствует, что его день не пропал даром.

Высшая его цель – это устроить так, чтобы кто-нибудь споткнулся об него и продолжал ругать его непрерывно в течение часа; когда ему удастся этого достигнуть, его самомнение становится поистине невыносимым.

Он приходил и садился на те самые вещи, которые подлежали немедленной укладке, и пребывал в непоколебимом заблуждении, что каждый раз, когда Гаррис или Джордж протягивают за чем-нибудь руку, им требуется его холодный влажный нос. Он вступил ногой в варенье, и рассыпал чайные ложки, и притворился, что лимоны – крысы, и влез в корзину и умертвил троих из них, прежде чем Гаррис огрел его сковородкой.

Гаррис уверяет, что я поощряю его. Вовсе я его не поощряю. Такая собака не нуждается в поощрении. То, что он делает, он делает по внушению естественного, прирожденного греха, родившегося вместе с ним.

Укладка закончилась в 12 часов 50 минут, и Гаррис сел на большую корзину и выразил надежду, что ничто не окажется разбитым. Джордж заметил, что если что разбилось, то уже разбилось, и это размышление, очевидно, доставило ему утешение. Еще он сказал, что готов ложиться спать. Мы все были готовы ложиться спать. Гаррис на эту ночь оставался ночевать с нами, и мы вместе отправились наверх.

Мы кинули жребий, и Гаррису выпало на долю спать со мной. Он спросил меня:

– Ну и с какой стороны кровати ты предпочитаешь спать, Джим?

Я ответил, что обыкновенно предпочитаю спать просто на постели. Гаррис объявил, что это старо и неостроумно.

Джордж спросил:

– В котором часу будить вас, ребята?

Гаррис сказал:

– В семь.

Я сказал:

– Нет, в шесть, – потому что собирался писать письма.

Мы с Гаррисом немножко сцепились по этому поводу, но наконец разделили разницу пополам и остановились на половине седьмого.

– Разбуди нас в половине седьмого, Джордж, – сказали мы.

Джордж не отвечал, и, подойдя к нему, мы увидели, что он давно спит; поэтому мы приставили к его кровати лохань с водой таким образом, чтобы он мог упасть в нее, когда встанет поутру, а сами улеглись в постель.

V

Миссис П. будит нас. – Мошенническое предсказание погоды. – Наш багаж. – Испорченность маленького мальчика. – Вокруг нас собирается народ. – Мы отъезжаем с большим парадом и прибываем на вокзал Ватерлоо. – Невинность служащих Юго-Западной дороги в отношении столь мирских вопросов, как поезда. – Мы плывем, плывем в открытой лодке

Разбудила меня поутру миссис Поппетс. Она сказала:

– Известно ли вам, сэр, что уже девять часов?

– Девять что? – вскрикнул я, вскакивая.

– Девять часов, – ответила она в замочную скважину. – Мне и то казалось, что вы заспались.

Я разбудил Гарриса и сказал об этом ему. Он возразил:

– Я думал, что ты хочешь встать в шесть часов.

– Я и хотел, – ответил я. – Отчего ты меня не разбудил?

– Как мог я тебя разбудить, когда ты меня не разбудил? – огрызнулся он. – Теперь мы не попадем на реку раньше двенадцати. Удивляюсь, что ты даешь себе труд вообще вставать.

– Гм... – отозвался я. – Счастье твое, что я встал. Когда бы я тебя не разбудил, ты так бы и валялся две недели кряду.

В этом духе мы продолжали рвать друг на друга в течение нескольких минут, пока нас не прервал вызывающий храп Джорджа. Впервые с пробуждения мы вспомнили о его существовании. Вот он лежал перед нами – человек, осведомлявшийся, в котором часу нас будить, – на спине, с широко разинутым ртом и подобранными коленями.

Право, не знаю, почему это так, но вид человека, спящего в постели, когда я уже встал, приводит меня в бешенство. Мне представляется возмутительным, чтобы драгоценные часы человеческой жизни – бесценные мгновения, которым никогда более не вернуться, – тратились на ничтожный скотский сон.

Возьмите хотя бы Джорджа, расточавшего в безобразной лени неоценимый дар времени; его драгоценная жизнь, за каждую секунду которой ему придется в иной жизни давать отчет, течет мимо, не использованная им. Он мог бы уплетать яичницу с беконом, дразнить собаку или заигрывать со служанкой, вместо того чтобы валяться здесь, погруженным в отягчающее душу забвение.

Ужасная это была мысль. Гаррис и я, очевидно, были поражены ею одновременно. Мы решили спасти его, и в этом благородном порыве личная наша размолвка была позабыта. Мы бросились к нему и сорвали с него одеяло, Гаррис хватил его туфлей, а я заревел ему в ухо, и он проснулся.

– Что случилось? – пробормотал он, садясь на кровати.

– Вставай ты, тупоголовый соня! – загремел Гаррис. – Четверть десятого! Что?.. – взвизгнул он, соскакивая с кровати в лохань. – Что за черт сунул сюда эту штуку?..

Мы сказали ему, что надо было быть дураком, чтобы не заметить лохань.

Мы кончили одеваться; когда же дошло до мелочей, вспомнили, что уложили зубные щетки и щетку с гребнем (я знал, что эта зубная щетка таки вгонит меня в могилу), и пришлось отправиться вниз и выудить их из чемодана. А когда мы покончили с этим, Джордж потребовал бритвенный прибор. Мы объявили ему, что он может одно утро обойтись без бритвы, ибо мы отнюдь не намерены еще раз распаковывать этот чертов саквояж ни ради него, ни ради кого бы то ни было из ему подобных. Он возразил:

– Не мелите вздора. Как я могу показаться в Сити в этом виде?

Конечно, немного жестоко по отношению к Сити, но что нам до страданий человечества? Как выразился Гаррис с обычной вульгарностью, придется Сити переварить его и таким.

Мы спустились вниз завтракать. Монморанси пригласил двух собак проводить его, и они коротали время, грызясь на пороге входной двери. Мы успокоили их зонтиком и сели за котлеты и холодное мясо.

Гаррис сказал:

– Важнее всего – плотно позавтракать, – и начал с двух котлет, пояснив, что ест сперва горячее, так как мясо может и подождать.

Джордж завладел газетой и прочел нам о всех несчастных случаях на воде и предсказание погоды, сулившее «дождь, холод, переменную облачность (самое зловещее, что можно сказать о погоде), местами грозы, восточный ветер, с пониженным давлением в средних графствах (Лондон и Ла-Манш). Барометр падает».

Из всех пустых, раздражающих дурачеств, которыми нам досаждают, самое невыносимое, по-моему, это мошенническое предсказание погоды. Оно «предсказывает» как раз то, что происходило вчера или третьего дня, и совершенно противоположное тому, что случится сегодня.

Помню, как однажды поздней осенью все мои каникулы были испорчены потому, что мы обращали внимание на бюллетень о погоде местной газеты. «Сегодня можно ожидать ливня с грозой», – гласил он в понедельник, и мы отказывались от пикника и просиживали весь день в комнатах в ожидании дождя. Мимо нас проезжали веселые компании в шарабанах и кабриолетах, солнце светило, не было видно ни облачка.

– Ага! – приговаривали мы, глядя на них в окно. – Вот уж вернутся промокшими до ниточки!

И мы, ухмыляясь при мысли, как их спрыснет, прошли в глубь комнаты, и помешали угли в камине, и достали книжки, и занялись своими коллекциями морских водорослей и раковин. К двенадцати часам жара в залитой солнцем комнате стала невыносимой, и мы начали задавать себе вопрос, когда же наконец начнутся ливни и грозы.

– Разразятся после полудня, дайте срок, – говорили мы друг другу. – Ну уж и промокнут те катающиеся. Вот так потеха!

В час, бывало, заглянет хозяйка спросить, не думаем ли мы прогуляться в эту чудесную погоду.

– Нет, нет, – отвечали мы с хитрой усмешкой, – нас не выманите. Мы вовсе не желаем промокнуть – нет, нет.

Когда же день почти пройдет и все же о дожде нет и помину, мы пытаемся ободрить себя мыслью, что он хлынет неожиданно, как только участники пикника пустятся в обратный путь и будут находиться вдали от всякого крова, отчего вымокнут еще хуже. Но не падало ни капли, и день кончался в полном великолепии, и завершался чудесной ночью.

На следующее утро мы читаем, что будет «жаркий, прочно ясный день; очень знойно», одеваемся в легкие костюмы и отправляемся; а полчаса спустя после нашего выхода начинается сильный дождь, и поднимается жестокий холодный ветер, и то и другое продолжается целый день, и мы возвращаемся домой, утопая в насморках и ревматизмах с головы до ног, и ложимся в постель.

Погода окончательно превышает мое разумение. Я никогда не могу понять ее. Барометр бесполезен и не менее сбивчив, чем газетные предсказания.

Был один барометр в оксфордской гостинице, в которой я остановился прошлой весной, и, когда я туда приехал, он указывал на «ясно». Дождь лил как из ведра, и так было с самого утра, поэтому я не вполне мог сообразить, как обстоят дела. Я постучал по барометру, и стрелка взлетела вверх и указала на «очень сухо». Проходивший мимо чистильщик сапог

остановился и сказал, что барометр, вероятно, подразумевает завтрашний день. Мне представлялось, что он подразумевает позапрошлую неделю, но чистильщик сказал, что «нет, ему кажется, что нет».

Я снова постучал на следующее утро, и он полез еще выше, а дождь лил пуще прежнего. В среду я снова пошел стучать, и стрелка завернула к «ясно», «очень сухо» и «великая сушь», пока ее не остановил гвоздь, и нельзя было идти дальше. Она сделала все, что было в ее силах, но инструмент был устроен так, что не мог с большим рвением предсказывать хорошую погоду не сломавшись. Очевидно было, что стрелка хочет идти дальше и предсказать засуху и безводье, и солнечные удары, и самум, и все такое, но гвоздь не допустил этого, и ей пришлось довольствоваться заурядным «великая сушь».

Между тем разверзлись хляби небесные и нижнюю часть города затопило, ибо река вышла из берегов. Чистильщик сапог сказал, что, очевидно, *когда-нибудь* да будет долгий промежуток ясной погоды, и прочел мне напечатанное сверху оракула поэтическое произведение:

Долго предвещено – долго живет,
Наскоро сказано – скоро пройдет.

Ясная погода так и не настала в то лето. Полагаю, что инструмент подразумевал следующую весну.

Бывают еще эти барометры нового сорта, длинные, прямые, в них я ровно ничего не понимаю. Одна сторона предназначается для 10 часов пополудни на вчерашний день, а другая для 10 часов пополудни на сегодняшний день; но не всегда же удастся поспеть к барометру в 10 часов. Поднимается он и падает на дождь и ясную погоду, с большим или меньшим ветром, и, если вы постукиваете по нему, он ничего вам не отвечает. И приходится выверить его по уровню моря и перевести на фаренгейт^{20}, и даже тогда я не знаю, какой получается ответ.

Но кому охота знать погоду наперед? Она и так уже достаточно плоха, без того, чтобы мучиться заранее предвидением ее. Угодный нашему сердцу пророк – тот старик, что в особенно мрачное утро дня, когда нам особенно хочется ясной погоды, осматривает горизонт особенно знающим оком и изрекает:

– О нет, сударь, думаю, что разъяснится. Тучи разойдутся в свое время, сударь.

– Ах, уж он-то знает! – говорим мы, желая ему доброго утра и удаляясь. – Удивительный нюх у этих старикашек!

И мы чувствуем к этому человеку нежность, нисколько не умаленную тем обстоятельством, что погода не разъясняется и весь день непрерывно продолжает лить дождь.

– Ну что же, – говорим мы, – он сделал все, что мог.

К человеку, предсказавшему нам скверную погоду, мы питаем, наоборот, горькие и мстительные чувства.

– Как вы думаете, прояснится? – бодро кричите вы ему мимоходом.

– Ну нет, сэр, боюсь, что зарядило на целый день, – отвечает он, покачивая головой.

– Старый болван! – бормочете вы. – Много он в этом смыслит!

А если его предсказание оказывается верным, вы возвращаетесь вдвойне рассерженным на него и проникаетесь смутным впечатлением, что так или иначе, а тут не обошлось без его участия.

^{20} *Фаренгейт* Габриэль Даниэль (1686–1736) – немецкий физик; предложил температурную шкалу, впоследствии названную его именем.

Данное утро было чересчур ясно и солнечно, чтобы на нас могли подействовать леденящие кровь сообщения Джорджа о том, что «барометр падает», «область пониженного давления проходит косой линией по Южной Европе»; поэтому, убедившись, что он не может повергнуть нас в отчаяние и только понапрасну тратит время, он стащил тщательно свернутую мною для себя папироску и убрался по своим делам.

Тогда мы с Гаррисом, предварительно покончив с уцелевшими остатками съестных припасов, переволокли багаж к подъезду и стали дожидаться извозчика.

Багажа оказалось изрядное количество, когда мы все сложили в кучу. Во-первых, большой саквояж и маленький ручной сак, потом обе корзины, большой сверток с пледами и штуки четыре или пять пальто и непромокаемых плащей, и несколько зонтиков, а кроме того, дыня, отдельно в мешке, потому что она оказалась чересчур громоздкой, чтобы где-либо поместиться, да фунта два винограда в другом мешке, да японский бумажный зонтик, да сковорода, которую мы для скорости не стали упаковывать, а просто завернули в оберточную бумагу.

Ворох оказался внушительный, и нам с Гаррисом стало немножко совестно, хотя вовсе не вижу, чего в этом стыдного. Извозчики все не показывались, но взамен их появились уличные мальчишки, которые, очевидно, заинтересовались зрелищем и стали останавливаться.

Первым явился мальчик от Биггса. Биггс – наш зеленщик. Главный его талант заключается в найме наиболее отпетых и беспринципных рассыльных, когда-либо произведенных цивилизацией. Коль скоро в околотке всплывает что-либо особо гнусное в области мальчишеских подвигов, мы знаем наверняка, что это дело рук последнего биггсовского мальчика. Мне рассказывали, что во время убийства на Грэйт-Корам-стрит наша улица тотчас же заключила, что в нем замешан биггсовский мальчик (очередной), и плохо бы ему пришлось, если бы не удалось дать удовлетворительного ответа на допрос, встретивший его на следующее утро после убийства в 19-м номере, куда он явился за заказом (причем в допросе помогал номер 21-й, случайно оказавшийся тут же у подъезда), в результате он доказал полное алиби. Я не знавал тогдашнего биггсовского мальчика, но, основываясь на позднейшем моем знакомстве с ними, лично не приписал бы этому алиби большого значения.

Как я уже говорил, из-за угла появился биггсовский мальчик. Он, очевидно, бежал и запыхался, когда впервые предстал перед нами, но, завидев Гарриса, и меня, и Монморанси, и вещи, замедлил шаг и выпучил глаза. Гаррис и я сделали сердитое лицо. Более впечатлительная натура могла бы оскорбиться, но биггсовские мальчики, вообще говоря, не отличаются щекотливостью. Не доходя одного ярда до нашего подъезда, он остановился как вкопанный, прислонился к решетке и, выбрав подходящую соломинку для жеванья, воззрился на нас. Явно было, что он хочет просмотреть комедию до конца.

Минуту спустя по другой стороне улицы прошел мальчик из бакалейной лавки. Биггсовский мальчик окликнул его:

– Эй! Нижний этаж сорок второго номера съезжает!

Мальчик из бакалейной лавки перешел улицу и занял позицию по ту сторону подъезда. Затем остановился юный джентльмен из сапожного магазина, присоединившийся к биггсовскому мальчику, в то время как заведующий пустыми кружками в заведении «Голубых столбов» занял независимую позицию около тумбы.

– С голоду не помрут? А? – заметил джентльмен из сапожного магазина.

– И ты бы захватил кусок-другой, – возразил «Голубые столбы», – если бы собирался переплыть Атлантический океан на маленькой лодочке.

– Они не Атлантический океан будут переплывать, – вставил биггсовский мальчик, – они отправляются разыскивать Стенли^[21].

^[21] Стенли Генри Мортон (1841–1904) – английский путешественник, исследователь Центральной Африки, возгла-

К этому времени собралась уже целая маленькая толпа, и люди спрашивали друг друга, что случилось. Одна пара (наиболее юные и легкомысленные члены толпы) утверждала, что это свадьба, и наметила Гарриса женихом, тогда как более пожилая и вдумчивая часть была склонна думать, что происходят похороны и что я, вероятно, брат покойника.

Наконец подвернулся свободный кэбмен (в обычное время и когда они вам не нужны, их по этой улице проезжает по три штуки в минуту, причем они торчат у вас над душой и не дают вам проходу); мы втиснулись в него вместе со своими пожитками и, спугнув пару приятелей Монморанси, очевидно, поклявшихся никогда не расставаться с ним, укатали, сопровождаемые приветственными криками толпы, причем биггсовский мальчик швырнул нам вслед морковь на счастье.

Мы прибыли на вокзал Ватерлоо⁽²²⁾ в одиннадцать часов и спросили, откуда отходит поезд в одиннадцать пять.

Никто, разумеется, не знал; на вокзале Ватерлоо никто никогда не знает, откуда отойдет поезд или куда он отправится, когда отойдет, ни вообще ничего, что касается поездов. Носильщик, взявший наши вещи, полагал, что он отойдет с платформы № 2, тогда как другой носильщик, с которым он обсуждал вопрос, слышал, будто поезд отбудет с платформы № 1. С другой стороны, начальник станции был убежден, что поезд отходит от пригородной платформы.

Чтобы положить конец недоумению, мы поднялись наверх и спросили инспектора движения, и он сказал нам, что только что встретил человека, сказавшего, что видел поезд на платформе № 3. Мы отправились на платформу № 3, но тамошнее начальство объявило, что, по их мнению, этот поезд должен скорее быть саутгемптонским экспрессом либо виндзорским окружным. В одном они были уверены, что это не кингстонский поезд, хотя и не сумели сказать, почему они в этом уверены.

Тогда наш носильщик заявил, что поезд, может быть, находится на верхней платформе: ему сдается, что он знает этот поезд. Мы, следовательно, отправились на верхнюю платформу, обратились к машинисту и спросили его, едет ли он в Кингстон. Он отвечал, что наверняка сказать, разумеется, не может, но, должно быть, это так. Во всяком случае, если он – не 11.05 в Кингстоне, то почти наверное 9.32 в Вирджиния-Уотер⁽²³⁾, или же десятичасовой экспресс на остров Уайт⁽²⁴⁾, или вообще что-нибудь в этом направлении, и что мы все узнаем, когда приедем на место. Мы сунули полкроны ему в руку и попросили его отбыть 11.05 в Кингстон.

– Никто никогда не узнает на этой линии, – сказали мы, – что вы такое или куда идете. Дорогу вы знаете, ускользните втихомолку и отправляйтесь в Кингстон.

– Право, не знаю, господа, – сказал благородный малый, – полагаю, что какому-нибудь поезду да надо пробраться в Кингстон, и я споровою дело. Давайте сюда полкроны.

Так мы попали в Кингстон по Лондонской и Юго-Западной дороге.

Впоследствии мы узнали, что доставивший нас поезд в действительности был экстерским почтовым и что на вокзале Ватерлоо потратили целые часы, разыскивая его, и никто не знал, куда он подевался.

Наша лодка дожидалась нас в Кингстоне, как раз под мостом, к ней мы направили путь, разложили багаж и устроились сами.

– Все в порядке, сударь? – спросил лодочник.

– Порядок, – отозвались мы.

вивший в 1871 г. экспедицию, отправленную на поиски пропавшего английского путешественника Д. Ливингстона (1813–1873). С последним обстоятельством и связана ирония фразы «отправляются на розыски Стенли».

⁽²²⁾ Вокзал Ватерлоо – крупнейший вокзал Лондона, расположенный в центре города.

⁽²³⁾ Вирджиния-Уотер – бальнеологический курорт на юго-востоке Англии в графстве Суррей.

⁽²⁴⁾ Остров Уайт – расположен в проливе Ла-Манш.

Гаррис сел на веслах, я на руле, Монморанси, горестный, глубоко подозрительный, на корме, и мы пустились по волнам, долженствовавшим в продолжение двух недель служить нам домашним очагом.

VI

Кингстон. – Назидательные размышления о древней английской истории. – Назидательные размышления о резном дубе и жизни вообще. – Назидательный пример Стиввингса Младшего. – Мечты о древности. – Я показываю, что сижу на руле. – Любопытный результат. – Лабиринт Хэмптон-Корта. – Гаррис в роли проводника

Было чудесное утро поздней весны или раннего лета, как вам больше понравится, когда нежный глянец листьев и травки переходит в более глубокую зелень и природа подобна прекрасной молодой девушке, трепещущей непонятным ей трепетом пробуждения на краю женственности.

Своеобразные задворки Кингстона, спускающиеся к берегу реки, казались прямо-таки живописными в сверкающих лучах солнца; блестящая река со скользящими по ней баржами, свисающие с берега деревья, кряхтящий на веслах Гаррис в красной с оранжевым фуфайке, мелькающий вдали старый серый замок Тюдоров^{25} – все слагалось в ясную картину, такую веселую, хотя и тихую, такую полную жизни, хотя мирную, что, как бы ни было еще рано, я дал себя убаюкать сонливым грезам.

Я грезил о Кингстоне, или Кёнингестуне, как звали его в те дни, когда в нем короновались саксонские «кенинги»^{26}. Здесь перешел реку великий Цезарь^{27}, и на отлогих высотах раскинулись лагерем римские легионы. Как позднее Елизавета^{28}, так же и Цезарь, по-видимому, останавливался повсеместно; только он был почтеннее доброй королевы Бесс^{29}: он не останавливался в харчевнях.

Какой же любительницей харчевен была девственная королева Англии! Едва ли в десяти милях в окрестностях Лондона найдется сколько-нибудь сносный трактир, в который она бы не заглянула в то или иное время, либо остановилась, либо переночевала в нем. Интересно узнать, если Гаррис, так сказать, исправился бы и сделался великим и добродетельным человеком, и был назначен премьер-министром, и умер, – украсились бы пользовавшиеся его покровительством трактиры такого рода вывесками: «Гаррис выпил здесь стакан горького пива»; «Гаррис хватил здесь два стакана холодного шотландского летом 1888 года»; «Гарриса вытурили отсюда в декабре 1886 года»?

Нет, их было бы чересчур много! Скорее прославились бы те заведения, которых он никогда не посещал. «Единственное заведение в южном Лондоне, в котором Гаррис ни разу ничего не выпил». Публика толпами стремилась бы в него, чтобы разузнать, в чем же секрет.

Как бедный слабоумный король Эдви должен был ненавидеть Кёнингестун! Коронационный пир оказался свыше его сил. Возможно, что кабанья голова, начиненная обсахаренным миндалем, пришлось ему не по нутру (я сужу по себе), и до меда и испанского вина больше не было охоты; вот он и ускользнул от туманного разгула, чтобы уделить тихий часок при лунном свете своей возлюбленной Эльдживе.

Быть может, они стояли рука об руку у окна, любуясь тихим светом луны на реке, между тем как из дальних палат взрывами смутного гама и шума, доносились к ним отголоски буйного веселья.

^{25} Тюдоры – английская королевская династия (1485–1603), сменившая династию Йорков.

^{26} «Кенинги» – короли.

^{27} Цезарь Гай Юлий (102 или 100–44 до н. э.) – древнеримский государственный деятель и полководец, диктатор в 49, 48–46, 45 и с 44 г. до н. э. – пожизненно (фактически – император). В 54 г. до н. э., будучи правителем римской провинции Галлии, переправился со своими легионами через Ла-Манш и присоединил Британию на пять веков к Римской империи.

^{28} Елизавета I (1533–1603) – английская королева с 1558 г. из династии Тюдоров, дочь Генриха VIII и Анны Болейн (см. ниже). Была прозвана «королевой-девственницей», так как из государственных соображений не вступала в брак.

^{29} Бесс – сокращенное имя от Элизабет (Елизавета).

Потом грубый Одо и Сент-Дунстан шумно врываются в тихую комнату и осыпают низкими оскорблениями кротколикую королеву, и тащат бедного Эдви обратно в шумный зал пьяного беснования^{30}.

Много лет спустя саксонские короли и саксонский разгул были погребены бок о бок, при грохоте боевой музыки, и величие Кингстона временно угасло, с тем чтобы возродиться заново, когда Хэмптон-Корт^{31} сделался дворцом Тюдоров и Стюартов^{32}, и королевские баржи покачивались на канатах у берега реки, и щеголи в пестрых плащах спускались, красуясь, вниз по ступенькам, вызывая паромщика.

Многие из виднеющихся вокруг старых домов явственно говорят о тех днях, когда Кингстон был королевским пригородом, и вельможи и придворные обитали здесь, около своего короля, и длинная дорога к королевским воротам день-деньской пестрела бряцающей сталью, и гарцующими конями, и шелестящими шелками, и бархатами, и прекрасными лицами. Большие вместительные дома-замки с их круглыми решетчатыми окнами, огромными очагами и остроконечными крышами говорят о временах коротеньких камзолов и длинных чулок, расшитых жемчугом поясов и изысканных богохульств. Дома эти были воздвигнуты в те дни, «когда умели строить». Жесткий красный кирпич лишь плотнее слежался со временем, а дубовые лестницы не стонут и не кряхтят, когда стараешься бесшумно спуститься по ним.

По поводу дубовых лестниц мне припоминается великолепная лестница резного дуба в одном из кингстонских домов. Теперь это лавка на базарной площади, но когда-то здесь, очевидно, находились палаты какого-нибудь знатного вельможи. Один из моих знакомых, проживающий в Кингстоне, однажды пришел купить шляпу в этом магазине и по рассеянности заплатил за нее втридорога.

Хозяин магазина (он знает моего приятеля), естественно, был несколько ошеломлен вначале, однако скоро пришел в себя и, чувствуя, что такого рода поведение заслуживает поощрения, предложил нашему герою посмотреть прекрасные образчики старинного резного дуба. Приятель мой выразил согласие, и тогда купец повел его сквозь лавку вверх по домовой лестнице. Перила оказались чудом мастерства, и стены до самого верха были отделаны дубовыми панелями, работа которых не посрамила бы дворца.

С лестницы они вошли в гостиную. Это была большая светлая комната, отделанная несколько бьющими в глаза, но веселенькими обоями с голубым фоном. В комнате, впрочем, не было ничего замечательного, и мой знакомый недоумевал, почему его привели сюда. Хозяин подошел к стене и постучал по ней. Послышался деревянный звук.

– Дуб, – пояснил он. – Сплошной резной дуб, до самого потолка, точь-в-точь какой вы видели на лестнице.

– Но, великий Цезарь! – воскликнул мой приятель. – Не может же быть, чтобы вы заклеили резной дуб голубыми бумажными обоями?

– Ну да, – ответил тот, – убыточная была штука. Пришлось, понятно, все затянуть сперва досками. Зато комната теперь стала веселой. Прежде уж очень было мрачно.

^{30} *Слабоумный король Эдви... Одо и Сент-Дунстан...* – Англосаксонский король Эдвиг (ум. в 959 г.) в день своей коронации ушел с пира, чтобы встретиться с будущей своей женой Эльгивой. Придворная знать, чьим интересам этот брак не отвечал, послала архиепископа Дунстана (позднее известного как св. Дунстан – Сент-Дунстан) «вырвать Эдвигу из объятий Эльгивы», и тот силой заставил короля вернуться на пир. Архиепископ Одо участия в событиях не принимал, однако позднее вместе с Дунстаном возглавлял феодалов, объявивших королем младшего брата Эдвигу – Эдгара – и развязавших междоусобную войну. Хотя Эдвигу удалось остаться королем, в 958 г. Одо расторг его брак с Эльгивой как противозаконный.

^{31} *Хэмптон-Корт* – дворцовый комплекс на берегу Темзы в 16 км к юго-востоку от Лондона, в 1529–1760 гг. резиденция английских королей; включает регулярный парк с лабиринтом из вечнозеленых кустов букса, виноградник и оранжереи.

^{32} *Стюарты* – английская королевская династия (1603–1648 и 1660–1714), сменившая династию Тюдоров; Стюарты правили также в Шотландии в 1371–1714 гг.

Не могу сказать, чтобы я безусловно осуждал этого человека (что, несомненно, должно значительно облегчить его совесть). С его точки зрения, то есть точки зрения не полоумного любителя старины, а среднего домохозяина, желающего смотреть на жизнь по возможности легко, на его стороне была доля здравого смысла. Очень приятно взирать на резной дуб и даже иметь его немножко, но жить в его недрах, без сомнения, должно быть, удручающе для тех, чье воображение не настроено в этом направлении.

Нет, печально в этом случае то, что он, не дорожащий резным дубом, имеет гостиную, целиком выстланную им, в то время как люди, питающие к тому же дубу пристрастие, должны платить за него огромные деньги. По-видимому, таков житейский закон: каждый человек имеет то, что ему не нужно.

Женатые люди имеют жен и, по-видимому, ничуть не дорожат ими; а молодые холостяки горюют о том, что не могут ими обзавестись. У бедняков, с трудом могущих прокормить самих себя, бывает до восьми человек детей. Богатые старики, которым некому оставить своих денег, умирают бездетными.

Потом еще девушки с поклонниками! Тем девушкам, у которых имеются поклонники, они никогда не бывают нужны. Они говорят, что предпочли бы от них отделаться, что они только мешают им и почему бы им не пойти поухаживать за мисс Смит или мисс Браун, которые невзрачны и немолоды и вовсе не имеют поклонников. Самим им поклонники не нужны. Они решили никогда не выходить замуж.

Не годится и задумываться над такими вещами: становится слишком грустно.

Был у нас в школе мальчик, которого мы прозвали Сэндфорд-и-Мертон^{33}. Настоящая его фамилия была Стиввингс. Это был самый необыкновенный мальчик из всех, кого мне доводилось знать. Право, мне кажется, что он на самом деле любил учение. Бывало, ему страшно попадало за то, что он просиживал по ночам в постели за греческим уроком; а уж что касается французских неправильных глаголов, то его прямо-таки было не оторвать от них. Он был заражен жуткими и неестественными побуждениями сделать честь своим родителям и прославить училище; жаждал заслуживать награды и сделаться образованным человеком и вообще страдал всякими слабоумными предрассудками. Никогда я не знавал более странного существа, хотя и невинного, имейте в виду, как неродившийся младенец.

Ну-с, так вот этот мальчик бывал болен примерно раза два в неделю и не мог тогда посещать школу. Еще не бывало на свете такого мастера болеть, как этот Сэндфорд-и-Мертон. Стоило какой бы то ни было известной болезни показаться на расстоянии десяти миль, чтобы он заболел ею, да еще в тяжелой форме. Он хворал бронхитом в каникулы и схватывал сенную лихорадку под Рождество. После шестинедельной засухи он обыкновенно заболевал ревматизмом, а уж если выходил пройтись в ноябрьский туман, то неизбежно возвращался домой с солнечным ударом.

Однажды беднягу подвергли действию наркоза, вытащили все его зубы и вставили ему фальшивые, потому что он страшно страдал зубными болями; а потом пошли у него невралгии и боли в ушах. Он никогда не бывал без насморка, за исключением девяти недель, во время которых проболевал скарлатиной; а уж об отмороженных пальцах и говорить нечего. Во время большой холерной паники 1871 года наша местность на редкость была благополучна по холере. Во всем приходе отмечен был единственный случай: это был юный Стиввингс.

Когда он хворал, его укладывали в постель и кормили цыплятами, омлетом и тепличным виноградом; а он лежал и рыдал, потому что ему не позволяли готовить латинские упражнения и отбирали у него немецкую грамматику.

^{33} *Сэндфорд-и-Мертон* – Гарри Сэнфорд и Томми Мертон – герои нравоучительной детской повести Томаса Дея (1748–1789) «Сэндфорд и Мертон» (1783–1789), утверждавшей силу разума и практическую ценность правильных поступков.

А мы, остальные мальчики, мы, которые охотно дали бы десять учебных полугодий за один день болезни и не имели ни малейшего желания поощрять своих родителей к чванству, мы не ухитрились приобрести даже маленькой простуды. Мы играли на сквозняках, что, по-видимому, приносило нам одну только пользу и освежало нас, и наедались всякой дрянью, чтобы заболеть, и только жирели от нее и приобретали лучший аппетит. Нам не удавалось придумать ничего способного повредить нашему здоровью, пока не наступали каникулы. Внезапно, в самый день роспуска, начинались насморки и коклюши, и всевозможные недуги, продолжавшиеся до возвращения в классы, когда, невзирая на все наши контрманы, мы столь же внезапно поправлялись и чувствовали себя лучше, чем когда-либо.

Такова жизнь; а мы лишь трава, которую скосят, положат в печь и сожгут.

Чтобы возвратиться к вопросу о резном дубе, думаю, что у наших прапрадедов были очень недурные понятия о художественном и прекрасном. Да ведь все наши теперешние художественные редкости не более чем откопанные где-нибудь трех- или четырехсотлетние заурядности! Интересно бы знать, точно ли имеется подлинная красота в столь ценимых ныне нами старых суповых тарелках, пивных кружках и щипцах для свеч, или они только приобретают в наших глазах прелесть от окутывающей их дымки старины? Старый синий фарфор, который мы развешиваем по стенам в качестве украшений, служил обыкновенной домашней утварью несколько веков назад; а розовые пастушки и желтые пастушки, которых наши знакомые передают из рук в руки, умиляясь над ними и делая вид, что знают в них толк, стояли незамеченными на камине, и мать XVII века давала их раскапризничавшемуся ребенку, чтобы унять его слезы.

Будет ли так и впредь? Всегда ли дешевые мелочи вчерашнего дня будут ценными сокровищами сегодняшнего? Будут ли наши теперешние столовые тарелки красоваться вокруг каминов великих мира в 2000 с лишним году? А белые чашки с золотым ободком и прекрасным золотым цветком внутри (неизвестной разновидности), которые наши Сары и Джейн бьют теперь в простоте сердечной, – не будут они тщательно склеены и убраны на полочку, где с них станет стирать пыль сама хозяйка дома?

Возьмем, например, фарфоровую собачку, украшающую спальню моих меблированных комнат. Собачка эта белая. Глаза у нее голубые. Носик окрашен в нужный красный оттенок, с черными крапинками. Голова ее мучительно выпрямлена и выражает приветливость, граничащую с идиотизмом. Лично я не восхищаюсь ею. С точки зрения искусства могу сказать, что она раздражает меня. Легкомысленные знакомые смеются над нею, и даже сама моя хозяйка не выказывает к ней восхищения и извиняет ее присутствие тем, что это подарок ее тетушки.

Но через двести лет более чем возможно, что где-нибудь да откопают эту собачку, лишившуюся ног и с отломанным хвостом, продадут ее за старинный фарфор и поместят в стеклянной горке. И проходящие мимо станут восхищаться ею. Будут поражаться диковиной глубиной окраски носа и размышлять о степени красоты, которой, вне сомнения, обладал утраченный кончик хвоста.

Мы в наше время не видим красоты этой собачки. Мы чрезмерно освоились с нею. Это как солнечный закат и звезды: мы не подавлены их красотой, потому что они представляют обычное для нас зрелище. Точно так же и эта фарфоровая собачка. В 2288 году над ней будут захлебываться от восторга. Производство таких собачек сделается утраченным искусством. Наши потомки будут ломать над ним голову и удивляться нашему умению. О нас будут упоминать с нежностью, величая нас «великими старыми мастерами, которые процветали в XIX веке и производили фарфоровых собачек».

Вышитая в пансионе старшей дочерью «закладка» будет называться «шитьем эпохи Виктории»^{34} и продаваться по недоступной цене. Разыщут потрескавшиеся и выщербленные белые с синим кружки нынешних постоянных дворов и будут продавать их на вес золота, и богачи будут употреблять их для крюшона; а приезжие из Японии скупят все избежавшие разрушения «подарки из Рэмсгета» и «сувениры из Маргета» и увезут их в Иеддо^{35} в качестве старинных английских редкостей.

В эту минуту Гаррис бросил весла, встал с места, лег на спину и задрал ноги на воздух. Монморанси взвыл и перекувыркнулся, а верхняя корзина подпрыгнула, и все, что было в ней, выскочило наружу.

Я несколько удивился, однако не вышел из себя. Я сказал добродушно:

– Эй! С чего это?..

– С чего это? Да...

Нет, поразмыслив, я не стану повторять слов Гарриса.

Допускаю, я был виноват; но ничто не может извинить резкости оборотов и грубости выражений, в особенности у человека, получившего образцовое воспитание, какое, я знаю, получил Гаррис. Я думал о другом и, что весьма понятно, позабыл, что сижу на руле, вследствие чего мы значительно перепутались с буксирной линией. Трудно было сказать в данную минуту, что такое мы и что такое миддлсекский берег реки, но со временем мы это выяснили и вышли из затруднения.

Как бы то ни было, Гаррис объявил, что с него пока достаточно и что пора и мне взяться за работу; итак, я повел лодку по буксирной линии, мимо Хэмптон-Корта. Что за милая древняя стена тянется здесь вдоль реки! Всякий раз идя мимо, я получаю удовольствие. Такая веселая, приветливая старая стена; какая вышла бы из нее прелестная картина! Там пятнышко лишая, здесь обросло мхом, там высунулась молодая виноградная плеть, заглядывая на то, что творится на оживленной реке, а немного дальше вьется степенный старый плюш. На каждых десяти ярдах этой стены можно найти пятьдесят различных теней, красок и оттенков. Если бы я только умел рисовать и знал, как обращаться с красками, я уверен, что сделал бы из этой старой жизни очаровательный этюд. Иногда мне кажется, что мне понравилось бы жить в Хэмптон-Корте. Здесь так мирно и тихо, и так бывает отрадно слоняться по милым старым местам рано поутру, когда вокруг еще немного народа.

Но нет, в сущности говоря, мне бы это, вероятно, не понравилось, когда бы дошло до дела. Такая здесь, должно быть, зловещая, давящая скука по вечерам, – когда лампа бросает жуткие тени на дубовые шпалеры стен, а вдоль холодных каменных коридоров звучат отголоски отдаленных шагов, которые то подходят ближе, то замирают вдали, после чего воцаряется мертвенное молчание, за исключением биения вашего собственного сердца.

Все мы, мужчины и женщины, – создания солнца. Мы любим свет и жизнь. Вот почему мы теснимся в городах, а деревня с каждым годом пустеет все более и более. Днем, при свете солнца, когда повсюду живет и трудится Природа, нам вполне по душе склоны холмов и дремучие леса; но ночью, когда Мать-Земля уляжется в постель, оставив нас бодрствующими, ах! свет кажется таким одиноким, и нам становится страшно, как детям в затихшем доме. Тогда мы сидим и плачем и тоскуем по освещенным газом улицам, по звуку человеческого голоса и ответному биению человеческой жизни. Мы чувствуем себя такими беспомощными и маленькими в великом безмолвии, когда ночной ветер шелестит в темных деревьях. Так много призраков витает вокруг, и так становится грустно от их безмолвных вздохов. Давайте

^{34} Эпоха Виктории – время правления (с 1837 г.) королевы Великобритании Виктории (1819–1901), когда Англия достигла вершины своего могущества.

^{35} Иеддо – старинное название столицы Японии города Токио.

лучше соберемся в больших городах и зажжем большие увеселительные костры из миллиона газовых рожков, и будем петь и кричать все сразу, и чувствовать себя молодцами.

Гаррис спросил меня, бывал ли я когда-нибудь в лабиринте Хэмптон-Корта. Сам он однажды пошел, чтобы показать дорогу другому. Он изучил его на плане и нашел его до смешного простым – едва стоящим тех двух пенсов, которые берут за вход. Гаррис говорит, что, по его мнению, этот план предназначен дурачить публику, ибо он ничуть не похож на самый лабиринт, а только сбивает с толку. Показывал его Гаррис приезжему родственнику из провинции. Гаррис сказал ему:

– Мы зайдем туда, просто чтобы вы могли сказать, что побывали в нем, но штука совсем простая. Называть ее лабиринтом нелепо. Надо только каждый раз сворачивать направо. Обойдем его в каких-нибудь десять минут, а потом пойдем завтракать.

Вскоре после того, как они вошли, им встретилось несколько человек, сказавших, что они уж три четверти часа здесь и находят, что этого достаточно. Гаррис сказал им, что они могут, если хотят, идти за ним, он сейчас только вошел, обойдет вокруг и выйдет вон. Они сказали, что он очень добр, и пошли следом за ним. По пути они продолжали подбирать разных лиц, желавших покончить с прогулкой, пока не поглотили всей находившейся в лабиринте публики. Многие, окончательно потерявшие надежду когда-либо выйти из лабиринта и снова увидеть дом и семью, воспрянули духом при виде Гарриса с его компанией и присоединились к шествию, благословляя его. Гаррис полагает, что всего набралось человек двадцать; а одна женщина с ребенком, пробывшая там все утро, настояла на том, чтобы он подал ей руку, из страха потерять его.

Гаррис все продолжал сворачивать вправо, но идти приходилось долго, и его родственник высказал предположение, что лабиринт очень велик.

– О, один из величайших в Европе, – подтвердил Гаррис.

– Должно быть, что так, – заметил родственник, – потому что мы прошли уже добрых две мили.

Гаррису и самому это начинало казаться странным, но он все крепился до тех пор, пока они не наткнулись на половину маленькой булочки: родственник Гарриса божился, что видел ее уже на земле семь минут назад. «О, это невозможно!» Но женщина с ребенком возразила: «Вовсе нет!», так как она сама взяла хлеб для ребенка и бросила его здесь, как раз перед встречей с Гаррисом. Она добавила также, что желала бы никогда не встречаться с Гаррисом, и выразила мнение, что он обманщик. Это взбесило Гарриса, он достал свой план и изложил свою теорию.

– План может, конечно, пригодиться, – сказал один из участников, – если вы только знаете, где мы теперь находимся.

Гаррис не знал, но предложил, как наиболее целесообразное, возвратиться ко входу и начать сызнава. Последнее возбудило в обществе мало восторга; но предложение возвратиться ко входу было одобрено единодушно, вследствие чего они повернули обратно и поплелись гуськом вслед за Гаррисом. Прошло еще десять минут, и они снова очутились в центре.

Гаррис сперва подумал притвориться, что к этому он и стремился; но толпа показалась ему угрожающей, и он решил обратить случившееся в несчастливую неожиданность.

Так или иначе, теперь они приобрели точку отправления. Они хоть знали, где находятся. Снова справились с планом, дело казалось проще, чем когда бы то ни было, и они в третий раз пустились в путь.

А три минуты спустя они снова уже были в центре.

После этого им прямо-таки стало невозможным оторваться от этого места. Куда бы они ни повернули, их приводило обратно к центру. Это стало повторяться с такой регулярностью, что часть общества оставалась там дожидаться, пока остальные пройдутся вокруг

и возвратятся к ним. Спустя некоторое время Гаррис снова было вытащил план, но один вид его привел людей в ярость, и ему стали предлагать употребить его на папилютки. Гаррис говорит, что не мог не почувствовать, что сделался в известной степени непопулярным.

В конце концов все они вышли из себя и начали зывать к сторожу, и тот явился, взобрался с наружной стороны на лестницу и стал выкрикивать им указания. Но к этому времени у всех в голове творился такой сумбур, что они больше не были способны ничего сообщить, и сторож велел им оставаться на месте, пока он не придет за ними. Тогда они сбились в кучу и стали дожидаться; он спустился вниз и вошел к ним.

Надо же случиться такому счастью, что сторож оказался из новых и непривычных; и когда он очутился внутри, то не мог их отыскать и начал скитаться, пытаясь пробраться к ним, а потом заблудился и сам. Время от времени они мельком подмечали его мчащимся по ту сторону изгороди, и он также замечал их, и мчался к ним навстречу, и они ждали в течение пяти минут, после чего он показывался точь-в-точь на прежнем месте и спрашивал у них, где же это они пропадали.

Пришлось им дожидаться, пока не вернулся с обеда один из старых сторожей.

Гаррис говорит, что, насколько он может судить, лабиринт отменный; и мы условились на обратном пути попытаться заманить в него Джорджа.

VII

Река в воскресном уборе. — Одевание на реке. — Благоприятствующие мужчинам обстоятельства. — Отсутствие вкуса у Гарриса. — Фуфайка Джорджа. — День в обществе девицы с модной картинки. — Могила миссис Томас. — Тот, кому не любы могилы, гробы и черепа. — Бешенство Гарриса. — Его взгляды на Джорджа, банки и лимонад. — Он выкидывает фокусы

Гаррис поведал мне о своих скитаниях в лабиринте в то время, как мы проходили через Маулсейский шлюз. Времени на это прохождение потребовалось немало, так как наша лодка была единственной, а шлюз немалых размеров. Не помню, чтобы когда-либо раньше видел Маулсейский шлюз с одной только лодкой. Мне кажется, что это самый людный шлюз на всей реке, не исключая Боултерского шлюза.

Мне иногда случалось стоять и наблюдать его, когда воды вовсе не было видно, а только пестрая путаница ярких фуфаек, веселых шапок, кокетливых шляпок, многоцветных зонтиков, шелковых шарфов, накидок, развевающихся лент и нежной белизны; когда, заглядывая с набережной на шлюз, представлялось, что это огромный ящик с набросанными в него кое-как цветами всех оттенков, раскинувшимися радужной грудой по всем углам.

В ясное воскресенье он сохраняет этот вид почти целый день; а вверх и вниз по течению стоят за решетками, дожидаясь очереди, еще целые ряды лодок; лодки приближаются и проходят мимо, так что вся залитая солнцем река, от дворца вплоть до Хэмптон-Корта, испещрена и обрызгана желтым, и синим, и оранжевым, и белым, и красным, и розовым. Все обитатели Хэмптона и Маулси облачаются в лодочные костюмы, слоняются около шлюза со своими собаками, занимаются флиртом, покуривают, посматривают на лодки; все это, взятое вместе, фуражки и куртки мужчин, красивые оттенки женских платьев, возбужденные собаки, снующие лодки, белые паруса, отрадный пейзаж, сверкающая вода, — составляет одну из самых веселых картин, когда-либо виданных мной в соседстве скучного старого Лондона.

Река предоставляет большой простор для нарядов. В кои-то веки нам, мужчинам, удастся показать *свой* вкус в отношении расцветок, и, если вы поинтересуетесь моим мнением, я скажу, что мы не ударяем лицом в грязь. Я, например, люблю, чтобы в моем наряде имела примесь красного цвета — красного и черного. Как вам известно, волосы у меня золотисто-каштанового оттенка, как мне говорили, недурного, и темно-красные цвета превосходно к ним идут; кроме того, я нахожу, что здесь очень уместен светло-голубой галстук и башмаки из юфти и красный шелковый платок вокруг пояса, — платок выглядит гораздо франтоватее, чем кушак.

Гаррис всегда придерживается смеси оранжевого с желтым — но не думаю, чтобы он был в этом прав. Кожа его чересчур смугла для желтых тонов. Желтые тона ему не к лицу: в этом не может быть сомнения. Я хочу, чтобы он взял основой своего туалета синий цвет, с белым или кремовым для контраста, но куда там! Чем хуже у человека вкус, тем упрямее он его отстаивает. Это очень жалко, потому что в данных условиях он никогда не будет иметь успеха, между тем как есть один-два цвета, в которых он действительно мог бы казаться ничего себе, лишь бы не снимал шляпы.

Джордж приобрел кое-какие вещи для этой прогулки, и признаюсь, что я недоволен ими. Фуфайка режет глаза. Мне не хотелось бы, чтобы Джордж узнал, что я так думаю, но никаким другим словом этого не выразишь. Он принес ее и показал нам в четверг вечером. Мы спросили его, как он называет этот цвет, и он сказал, что не знает. Он полагает, что этот цвет не имеет названия. Купец сказал ему, что это восточный рисунок.

Джордж напялил фуфайку и спросил, что мы о ней думаем. Гаррис сказал, что мог бы уважать ее в качестве предмета, повешенного ранней весной над цветочной клумбой, чтобы

пугать птиц; но что, с точки зрения части одежды какого бы то ни было человеческого существа, за исключением балаганного клоуна, его тошнит от нее. Джордж серьезно надулся; но, как говорит Гаррис, если он не нуждается в его мнении, почему же он о нем спрашивает?

Нас с Гаррисом в отношении этой фуфайки смущает опасение, что она привлечет внимание к нашей лодке. Молодые девушки также выглядят недурно в лодке, если принарядятся. Ничто, по моему мнению, не бывает эффектнее изящного лодочного костюма. Но «лодочный костюм» – и хорошо бы, чтобы все дамы это уразумели, – должен быть костюмом, в котором можно находиться в лодке, а не только под стеклянным колпаком. Всякая прогулка совершенно бывает испорченной, когда в лодке сидят люди, все время думающие гораздо больше о своем платье, чем о самой прогулке. Однажды я имел несчастье отправиться на речной пикник с двумя барышнями. Уж повеселились мы, нечего сказать!

Обе расфуфырились в пух и прах – все кружева да шелковая материя, ленты, цветы, тонкие башмачки, светлые перчатки. Да только они были одеты не для речного пикника, а для фотографической мастерской. То были «лодочные костюмы» с последней французской модной картинки. Было более чем нелепо отваживаться в них куда бы то ни было по соседству с настоящей землей, воздухом и водой.

Прежде всего им показалось, что лодка неопрятна. Мы протерли для них сиденья, после чего объявили им, что все чисто, но они нам не поверили. Одна из них потеряла подушку пальцем в перчатке и показала результат другой, затем обе вздохнули и уселись с видом первых христианских мучениц, старающихся поудобнее примоститься на костре. Когда гребешь, случается ведь иной раз немножко брызнуть водой; вот и случилось, что одна капля погубила эти костюмы. След так и не удалось вывести, и пятно осталось на веки вечные.

Я греб на корме. Я делал все, что мог. Я вскидывал весла на два фута^{36} вышины и давал всей воде стечь с них, прежде чем окунуть их обратно, и каждый раз выбирал гладкое местечко на поверхности воды, чтобы погрузить их. (Сидевший на носу гребец сказал немного погодя, что не считает себя достаточно искусственным в этом искусстве, чтобы грести вместе со мной, но, если я ему позволю, он посидит без дела, чтобы полюбоваться взмахом моего весла. Мой метод грести страшно заинтересовал его.) Но, невзирая на все это, как бы я ни старался, время от времени случайные брызги все же попадали на платья.

Барышни не жаловались, но прижались одна к другой и поджали губки, и каждый раз, когда с ними соприкасалась капля воды, они морщились и вздрагивали. Вид этого безмолвного страдания представлял внушительное зрелище, но меня он вконец расстроил. Я чересчур впечатлителен. Движения мои стали неровными и причудливыми, и я тем больше плескался, чем больше старался этого не делать.

Наконец я сложил оружие: я сказал, что сяду на носу. Нос согласился, что так будет к лучшему, и мы поменялись местами. Дамы невольно с облегчением вздохнули, увидав, что я удаляюсь, и на время даже совсем повеселели. Бедняжки! Лучше бы они примирились со мной. Приобретенный ими сосед был из тех развеселых, беззаботных, туповатых малых, у которых как раз столько же впечатлительности, сколько у щенка водолаза.

Можно было испепелять его взглядом в течение часа, и он того не замечал, а если бы и заметил, то нисколько бы не смутился. Он начал грести веселым, бодрым размашистым взмахом, осыпавшим всю лодку целым фонтаном брызг и приведшим все общество в оцепенение. Когда ему случалось окатить один из этих туалетов полупинтой^{37} воды, он испускал любезный смешок и говорил:

– Виноват, извините! – И предлагал им свой носовой платок, чтобы обтереться.

^{36} Фут – английская мера длины, равная 30,48 см.

^{37} Пинта – английская единица объема, равная 0,568 дм³.

– О, ничего, пустяки! – отвечали бедняжки и исподтишка натягивали на себя пледы и плащи, защищаясь своими кружевными зонтиками.

Во время пикника им пришлось плохо. От них требовалось сидеть на траве, трава была пыльная, а древесные стволы, к которым им предлагали прислониться, по-видимому, не подвергались чистке в течение многих недель; поэтому они разостлали носовые платки на траве и уселись на них, прямые как свечки. Кто-то, пронося мимо на тарелке пирог с мясом, споткнулся о древесный корень, и начинка так и брызнула во все стороны. Хотя на них ничего не попало, однако этот случай навел их на мысль о новой опасности и взволновал их; после этого, как только кто-нибудь передвигался поблизости с чем бы то ни было способным упасть и испачкать их платья, они следили за ним с возрастающим волнением, до тех пор пока тот не садился обратно.

– А ну-ка, девицы, – бодро сказал им наш приятель Нос по окончании еды, – пожалуйста сюда перемывать посуду.

Они не сразу его поняли. Когда же им удалось уразуметь, в чем дело, они выразили опасение, что не сумеют этого сделать.

– О, я живо вас научу, – воскликнул он, – это очень забавно! Ложитесь на... я хочу сказать, наклонитесь над берегом, понимаете ли, и полощите посуду в воде.

Старшая сестра выразила опасение, что у них нет подходящей одежды.

– Ничего, сойдет и эта, – сказал он беззаботно, – вы только подоткните подолы.

Мало того, он заставил их это сделать. Он пояснил им, что в этом-то и заключается главная прелесть пикника. Они сказали, что это очень интересно.

Теперь, когда я все это обдумываю, мне приходит на ум – а что, если этот молодой человек вовсе не был таким тупоумным, как нам казалось? Что, если он... да нет, быть не может: в нем было столько ребяческого простодушия!

Гаррис выразил желание высадиться в Хэмптон-Корте, чтобы посетить могилу миссис Томас.

– Кто такая миссис Томас? – спросил я.

– Почему я знаю! – отозвался Гаррис. – Она дама, у которой смешная могила, и я хочу посмотреть ее.

Я запротестовал. Потому ли это, что я не устроен так, как следует, но дело в том, что самого меня никогда не тянуло к могильным плитам. Я знаю, что, приехав в какой-либо город или деревню, приличия требуют, чтобы вы тотчас мчались на кладбище изучать могилы; но я всегда отказываю себе в этом развлечении. Мне неинтересно плестись в темных и холодных церквах по пятам запыленных стариков и прочитывать эпитафии. Даже вид кусочка потрескавшейся меди, вправленного в камень, и тот не дает мне того, что я называю истинным счастьем. Я возмущаю почтенных старых пономарей невозмутимостью, которою умею облечься перед самыми душераздирающими надписями, и недостатком интереса к истории местного помещичьего рода, тогда как мое нетерпение выбраться вон оскорбляет их лучшие чувства.

В одно золотое утро солнечного дня я стоял, прислонившись к низкой каменной ограде деревенской церкви, и курил, и впивал тихую, спокойную радость, разливавшуюся от чарующей, мирной картины: старая серая церковь с ее густым плющом и любопытным портиком резного дерева, белая дорожка, выходящая вниз с холма между двух рядов высоких вязов, выглядывающие из-за аккуратных изгородей крытые соломой хижины, серебряная река в ложбине, лесистые холмы вдаль...

Очаровательный был вид! Нечто идиллическое, поэтичное – он вдохновлял меня. Я почувствовал себя великодушным и добрым. Мне захотелось никогда больше не быть злым и грешным. Приеду и поселюсь здесь, думалось мне, и никогда больше не стану делать зла, и

буду вести безгрешную, прекрасную жизнь, и отращу себе серебристые седины, когда состарюсь, и все такое прочее.

В эту минуту я простил всем своим родным и знакомым их злобредность и греховность и благословил их. Они не знали, что я благословляю их. Они продолжали идти путем погибели, не подозревая о том, что я делаю для них в далекой, заброшенной деревушке; но все же я сделал это, и сожалел, что не могу известить их о том, ибо желал их осчастливить. Я весь погрузился в эти великие и праведные мысли, как вдруг мои грезы были нарушены резким пискливым голосом, выкрикивавшим:

– Ладно, сэр, ладно, иду, иду. Все в порядке, сэр, потерпите!

Я поднял голову и увидел, что ко мне через кладбище ковыляет лысый старик с большой связкой ключей, позвякивавших на каждом шагу.

Я с молчаливым достоинством сделал ему знак удалиться, но он продолжал приближаться, вереща на ходу:

– Иду, сэр, иду. Хромаю ведь немножко. Нет уж прежней лихости. Сюда, сэр.

– Ступайте прочь, несчастный старик, – сказал я.

– Я спешил как мог, сэр, – отвечал он. – Моя хозяйка только сию минуту вас увидела.

Ступайте за мной, сэр.

– Ступайте прочь, – повторил я. – Оставьте меня, не то я переберусь через стену и убью вас.

Он оторопел.

– Разве вы не хотите посмотреть могилы? – спросил он.

– Нет, – возразил я, – не хочу. Я хочу оставаться здесь, прислонившись к этой старой выветренной стене. Ступайте прочь и не беспокойте меня. Я битком набит прекрасными и высокими мыслями и хочу так и остаться, потому что это дает мне приятное и праведное чувство. Нечего вам шататься здесь, и выводить меня из терпения, и вытеснять лучшие мои чувства этими вашими могильными рассказами. Ступайте прочь и найдите кого-нибудь, кто бы вас дешево похоронил, я оплачу половину расходов.

С минуту он был ошеломлен. Он протер глаза и усиленно всмотрелся в меня. Вроде человек как человек. Он никак не мог понять, в чем дело.

Тогда он спросил:

– Вы ведь не здесь живете? Вы приезжий?

– Нет, – сказал я. – Если бы я жил, то *вы* бы уже здесь не жили.

– Значит, – сказал он, – вы хотите повидать памятники – гробы схороненных людей, понимаете ли, могилы?

– Вы шарлатан, – ответил я, воодушевляясь, – я не хочу видеть могил – ваших могил. На что они мне? У нас есть свои могилы, у нашего семейства. Да один только памятник дядюшки Поджера на кладбище Кенсэл-Грин, ведь это слава всего прихода! А в склепе моего деда в Бау помещается до восьми посетителей; тогда как у моей внучатой тетушки Сусанны кирпичный памятник на финчлийском кладбище, с барельефом на плите в виде кофейника и шестидюймовой дорожкой вокруг из лучшего белого камня, за который заплачены фунты и фунты. Когда мне нужны могилы, вот куда я иду веселиться, – мне не нужны чужие могилы. Когда вас самого похоронят, я приду взглянуть на вас. Вот все, что я могу для вас сделать.

Он залился слезами. И сказал, что поверх одного из памятников имеется обломок камня, изображающего, по мнению некоторых, часть человеческой фигуры, а на другом высечены слова, которых никто никогда не сумел разобрать.

Я оставался неумолимым. Тогда с сердечной тоской в голосе он сказал:

– Не придете ли вы хоть посмотреть историческое окно?

Я и этого не захотел смотреть, и тогда он пустил в ход последний свой козырь. Он придвинулся поближе и хрипло прошептал:

– У меня внизу, в склепе, парочка черепов, придите посмотреть их. Ну хотя бы пойдите посмотреть черепа! Вы человек немолодой, разъезжаете для своего удовольствия, вам же хочется чуточку повеселиться. Идите же, посмотрите черепа.

Тогда я повернулся и поспешил прочь, слыша, как он кричал мне вдогонку:

– Ах, да придите же посмотреть черепа! Вернитесь посмотреть черепа!

Гаррис, однако, души не чаёт в памятниках и могилах, и эпитафиях, и надгробных надписях; и мысль, что ему не увидеть могилы миссис Томас, привела его в неистовство. Он сказал, что мечтал о могиле миссис Томас с первой минуты, как только зашла речь о прогулке, объявил, что не стал бы участвовать в ней, если бы не надежда увидеть могилу миссис Томас.

Я напомнил ему о Джордже и о том, что мы должны поспеть к пяти часам в Шеппертон, чтобы встретиться с ним; тогда он напустился на Джорджа. С какой стати Джордж праздно шатается день-деньской и предоставляет нам двоим таскать эту неповоротливую старую тяжелую баржу вверх по реке, чтобы встретиться с ним? Почему Джордж не может также немножко поработать? Почему он не отпросился на сегодня отплыть с нами вместе? Провалился этот банк! Какой от него толк в этом банке?

– Никогда я не видел, чтобы он делал там что-либо, – продолжал Гаррис, – когда ни придешь. Сидит весь день за стеклом, старается изобразить, будто что-то делает. На что годен человек за стеклом? Я вот зарабатываю свой хлеб. Почему же он не может зарабатывать? На что он там нужен и вообще какой толк от этих банков? Берут у вас деньги, а потом, когда хочешь получить по чеку, тебе его возвращают весь перемаранный надписями: «Недействительно», «Справиться там-то». Какая от этого польза? Такую штуку они сыграли со мной два раза на прошлой неделе. Будет с меня терпеть. Возьму свой счет обратно. Будь он здесь, мы могли бы пойти и посмотреть этот памятник. Я даже не верю, чтобы он был в банке. Где-нибудь веселится, а нам предоставляет за себя работать. Сейчас пойду что-нибудь выпью.

Я дал ему заметить, что мы находимся за несколько миль от всякого питейного заведения; тогда он прошелся насчет реки: и что толку в реке, и неужели всякий, кто находится на реке, непременно должен умирать от жажды?

Всегда лучше дать Гаррису волю, когда он что-нибудь заладит. Он выдохнется и потом сделается спокойнее.

Я напомнил ему, что в корзине имеется лимонадная эссенция, а на носу лодки галлон воды, и что и то и другое только того и дожидаются, чтобы быть смешанными и составить прохладное и освежительное питье.

Тогда он принялся разносить лимонад и «тому подобную бурду для воскресных школ», как то: имбирное питье, сироп из красной смородины и т. п. Все они вызывают катар желудка, и губят одинаково душу и тело, и являются причиной половины всех преступлений в Англии. Он добавил, что все же ему чего-нибудь да надо выпить, влез на сиденье и перегнулся, чтобы достать бутылку. Она находилась на самом дне корзины, и достать ее было трудно, пришлось ему перегибаться все дальше и дальше, и, пытаясь продолжать в то же время руководить лодкой, глядя снизу вверх, он потянул не за ту веревку, толчок опрокинул его, и он нырнул прямо в корзину, и так и остался торчать на голове, вцепившись не на живот, а на смерть за борта и растопырив ноги. Двинуться он не смел, чтобы не свалиться за борт, и пришлось ему дожидаться, пока я смог ухватить его за ноги и вытащить обратно, что взбесило его пуще прежнего.

VIII

Шантаж. – Подобающий образ действий. – Себялюбивая грубость прибрежного землевладельца. – Доски с «уведомлениями». – Нехристианские чувства Гарриса. – Как Гаррис поет комические куплеты. – В отборном обществе. – Позорное поведение двух погибших юношей. – Полезные сведения. – Джордж приобретает банджо

Мы сделали привал под вербами близ Хэмптон-парка и принялись завтракать. Хорошенькое здесь местечко: поросшая травой площадка, тянущаяся вдоль реки и притененная вербами. Только что мы успели приняться за третье блюдо – хлеб с вареньем, как появился господин в жилете и с короткой трубкой и пожелал узнать, известно ли нам, что мы нарушаем право собственности. Мы ответили, что не посвятили этому вопросу достаточного внимания для получения определенного решения, но что, если он подтвердит словом джентльмена, что мы нарушаем право собственности, мы готовы поверить ему без дальнейших колебаний.

Он снабдил нас должным подтверждением, за что мы поблагодарили его, но он все продолжал околачиваться тут и казался недовольным, после чего мы спросили, не можем ли быть ему полезным еще чем-либо; а Гаррис, вообще склонный дружить направо и налево, предложил ему ломтик хлеба с вареньем.

Полагаю, что этот человек был членом какого-либо общества, давшего обет воздерживаться от хлеба с вареньем; ибо он отклонил предложенное так сварливо, точно досадовал, что его искушают, и добавил, что долг велит ему спроводить нас.

Гаррис согласился, что всякий долг следует исполнять, и спросил незнакомца, какой способ он считает лучшим для достижения этой цели. Гаррис, скажу я вам, малый крепкого сложения, косая сажень в плечах, вдобавок жесткий и костистый. Тот смерил его с головы до ног и объявил, что пойдет посоветоваться с хозяином, а потом они вместе придут и швырнут нас в реку.

Разумеется, только мы его и видели, и, разумеется, единственное, чего ему требовалось, – это получить шиллинг. Существует известное число прибрежных жуликов, которые собирают изрядные доходы за летнее время, слоняясь по берегу и шантажируя таким образом малодушных дурачков. Они выдают себя за посланцев владельца. Лучше всего в подобном случае назвать свою фамилию и адрес и предоставить владельцу, если он точно здесь замешан, преследовать вас в судебном порядке и доказать, что вы нанесли ущерб его владениям, посидев на его земле. Но большинство людей так глубоко ленивы и трусливы, что предпочитают поощрять злоупотребление своей уступчивостью, вместо того чтобы положить ему конец, выказав немножко твердости.

Когда же виноваты сами владельцы, необходимо их обличать. Эгоизм речных владельцев растет с каждым годом. Если бы дать волю этим людям, они бы совершенно заперли реку Темзу. Да они уже сделали это на ее притоках и шлюзах. Они вгоняют столбы в дно реки, протягивают цепи от одного берега к другому и приколачивают объявления ко всем деревьям. Вид этих досок с уведомлениями пробуждает все дурные инстинкты моей природы. Мне хочется сорвать каждую из них долой и колотить ею по голове человека, выставившего ее, пока не последует смерть, а затем похоронить его и положить над ним его доску в качестве надгробной плиты.

Я поведал о своих чувствах Гаррису, который сказал, что испытывает их в еще большей степени. Ему не только хочется убить человека, вывесившего объявление, но и перебить всех членов его семейства и всех его знакомых и родственников, а потом сжечь его дом. Мне показалось, что Гаррис заходит слишком далеко, и я так и сказал ему, но он возразил:

– Ничуть не бывало. Так им и надо, да еще пойду и буду петь комические куплеты на развалинах.

Мне неприятно было видеть Гарриса в таком кровожадном настроении. Никогда не следует позволять врожденному чувству справедливости перерождаться в простую мстительность. Прошло много времени, прежде чем я смог склонить Гарриса к более христианской точке зрения, но мне это удалось наконец, и он дал мне слово, что пощадит во всяком случае знакомых и родственников и не станет петь комических куплетов на развалинах.

Вы никогда не слыхали Гарриса поющим комические куплеты? Иначе вы поняли бы, какую услугу я оказал человечеству. Гаррис твердо убежден, что умеет петь комические куплеты: те же из его знакомых, которым привелось слышать его, столь же твердо убеждены, что он не умеет их петь и никогда не научится и что не следовало бы позволять ему даже и пытаться.

Если Гаррис на вечере и его спросят, поет ли он, он отвечает: «Да, знаете ли, комическую песенку я спеть не прочь», и говорит это тоном, дающим понять, что такого рода вещи, во всяком случае, он исполняет так, что стоит услышать его раз и умереть.

– Ах, вот это прелестно! – говорит хозяйка дома. – Спойте, пожалуйста, мистер Гаррис. И Гаррис встает и направляется к роялю, с веселой готовностью великодушного человека, собирающегося что-то кому-то подарить.

– А теперь, прошу тишины, – говорит хозяйка, поглядывая вокруг, – мистер Гаррис споет комические куплеты.

– Вот это приятно! – бормочут гости и спешат в комнаты из оранжерей, и бегут вверх по лестнице, и собирают друг друга по всему дому, и теснятся в гостиной, и садятся вокруг, заранее предвкушая удовольствие. Тогда Гаррис начинает.

Положим, для комического пения не требуется большого голоса. Вы не станете также ожидать ни правильной фразировки, ни вокализации. Вы не взыщете, если певец вдруг заметит, что взял слишком высокую ноту, и поспешит спуститься. Вы не следите в его исполнении за ритмом. Вы охотно извиняете его, если он заберется на два такта вперед от аккомпанемента и остановится на середине фразы, чтобы посоветоваться с аккомпаниатором. Но вы, без всякого сомнения, вправе рассчитывать на слова.

Вы не считаетесь с тем, что исполнитель не помнит больше трех первых стихов первого куплета, которые повторяет без конца, пока не настанет очередь вступать хору. Вы не готовитесь к тому, что он прервет пение на половине стиха и начнет хихикать, говоря, что это очень смешно, но хоть убейте его, если он может припомнить продолжение, после чего он старается сам придумать конец, а потом, внезапно его припомнив, когда находится уже в совершенно другом месте песни, прерывает пение без слова предупреждения и тут же преподносит вам пропущенное. Вы не... да нет, я лучше представлю вам образец комического пения Гарриса, и вы составите себе о нем собственное мнение.

Гаррис (стоя перед роялем и обращаясь к выжидающей толпе). Боюсь, что это очень старая штука, знаете ли. Вероятно, она всем вам известна. Но это единственное, что я знаю. Это песенка судьи из «Передника» – нет, я не хочу сказать из «Передника» – я хочу сказать, ну, вы знаете, что я хочу сказать, я про ту другую штуку, знаете ли. Вы все будете мне подпевать.

Шепот удовольствия и нетерпения охотников участвовать в хоре. Блестящее исполнение вступления к песенке Судьи из «Суда присяжных» нервным аккомпаниатором. Пора вступать Гаррису. Он этого не замечает. Нервный аккомпаниатор начинает вступление заново. Тут как раз и Гаррис спохватывается и выпаливает две первые строчки песенки Первого Лорда из «Передника». Нервный аккомпаниатор пытается продолжить вступление, отказывается от этого намерения и старается аккомпанировать Гаррису песенку

Судьи из «Суда присяжных»^{38}, но убеждается, что ничего не выходит, старается припомнить, что он делает и где находится, чувствует, что рассудок изменяет ему, и останавливается.

Гаррис (с благожелательным поощрением). Да превосходно же! Право, вы превосходно справляетесь – продолжайте.

Нервный аккомпаниатор. Боюсь, что вышла ошибка. Вы что поете?

Гаррис (живо). Да песню Судьи из «Суда присяжных». Разве вы ее не знаете?

Кто-нибудь из приятелей Гарриса (из заднего угла комнаты). Вовсе нет, тупая башка, ты поешь песню Адмирала из «Передника».

Долгий спор между Гаррисом и приятелем Гарриса относительно того, что он на самом деле поет. Приятель под конец заявляет, что безразлично, что бы Гаррис ни пел, лишь бы продолжал и допел до конца, и Гаррис, очевидно, терзаясь сознанием обиды, просит аккомпаниатора играть. Пианист вследствие этого исполняет вступление к песенке Адмирала, и Гаррис, дождавшись того, что ему кажется подходящим моментом, начинает.

Гаррис. Был молод я, хотел Судью быть...

Общий взрыв хохота, принятый Гаррисом за комплимент. Аккомпаниатор, вспомнив о жене и детях, отказывается от неравной борьбы и отступает; место его занимает человек с более крепкими нервами.

Новый аккомпаниатор (одобрительно). А ну-ка, старина, затягивайте, а я подхвачу. К черту вступление.

Гаррис (медленно проникаясь настоящим положением вещей). Ах ты, штука какая! Виноват. Ну да понятное дело – я спутал обе вещи. Это Дженкинс сбил меня, знаете ли. Ну, я готов. (Поет; голос его звучит словно из погреба и напоминает первые тихие предостережения приближающегося землетрясения.)

Как мальчиком я был,
У стряпчего служил...

(В сторону аккомпаниатора.) Слишком низко, старина, давайте повторим еще раз, если вам все равно. (Повторяет два первых стиха, на этот раз высоким фальцетом. Аудитория чрезвычайно поражена. Нервная старушка около камина начинает плакать, и приходится ее вывести. Продолжает.)

Я окна мыл, и мел полы,
И...

Нет, нет...

Я окна на подъезде мыл.
И натирал полы...

Да провались оно совсем! – виноват – смешно, никак не могу вспомнить этой строчки.

^{38} Песенка Первого Лорда из «Передника»... песенка Судьи из «Суда присяжных» – здесь герой смешивает слова и мелодии двух оперетт английского композитора А. Салливена (1842–1900): «Передника» («Фрегат ее величества “Передник”, или Девушка любит матроса») (1878) и «Суда присяжных» (1875) на слова У.-С. Гилберта (1836–1911). Комизм ситуации усиливается тем, что в «Переднике» действие основано на ошибке кормилицы, перепутавшей младенцев в колыбели, из-за чего сын дворянина стал матросом, а сын простолюдина – капитаном. Лорд Адмиралтейства возводит матроса в капитаны, а капитана отправляет в матросы.

И я... и я...

Ну да все равно, перейдем к хору, и рискнем как-нибудь:

И вот – дидль-дидль и дидль-ди-дей,
Весь флот королевы под властью моей.

А теперь хор – понимаете, вы повторяете две последние строчки.

Всеобщий хор

И вот – дидль-дидль и дидль-ди-до,
Весь флот королевы под властью его.

И Гаррис никогда не замечает, какого осла изображает из себя и как надоедает целой куче людей, не сделавших ему зла. Он чистосердечно убежден, что доставил им большое удовольствие, и обещает спеть еще что-нибудь после ужина.

По поводу комических куплетов и вечеров мне припоминается довольно любопытный случай, которого я был свидетелем и которому, как мне кажется, следует быть отмеченным на этих страницах, ибо он бросает много света на внутреннюю, умственную работу человеческой природы вообще.

Как-то собралось светское и высококультурное общество. Мы были одеты в лучшие свои костюмы, красиво выражались и чувствовали себя вполне счастливыми, – все, за исключением двух только что возвратившихся из Германии студентов, заурядных малых, казавшихся беспокойными и недовольными, словно предложенное им развлечение было для них слишком пресным. В сущности говоря, мы были чересчур умны для них. Наша блестящая, но изысканная беседа, наши вкусы высшего разряда были им недоступны. Они были не на своем месте среди нас. Им, собственно, никогда бы и не следовало тут находиться. Позднее все с этим согласились.

Мы играли отрывки из старых немецких мастеров. Толковали о философии и этике. Флиртовали с изящным достоинством. Даже острили – необычайно тонко.

Кто-то прочел после ужина французское стихотворение, и мы нашли его прекрасным; а потом одна из дам пропела сентиментальную балладу по-испански, и некоторые из нас прослезились, до того она была трогательна.

Но тут встали эти двое молодых людей и спросили, слышали ли мы когда-нибудь герра Слоссен-Бошена (который только что прибыл и находится сейчас в столовой), поющего свою великую немецкую комическую песню.

Никто из нас не слыхал ее, насколько мы могли припомнить.

Молодые люди пояснили, что это забавнейшая штука из когда-либо сочиненных и что, если нам угодно, они уговорят герра Слоссен-Бошена, с которым хорошо знакомы, исполнить ее для нас. Вещь эта так смешна, что, когда герр Слоссен-Бошен однажды исполнил ее при германском императоре, германского императора пришлось отнести в постель.

По их словам, никто не поет ее так, как герр Слоссен-Бошен; он остается все время таким бесконечно серьезным, что можно вообразить, будто слушаешь трагедию, и от этого, разумеется, еще смешнее. Они говорили, что он ни минуты не дает понять выражением или манерой, что поет нечто комическое, – этим он все бы испортил.

Мы ответили, что жаждем прослушать эту вещь, ибо испытываем потребность от души посмеяться; тогда они отправились вниз и привели герра Слоссен-Бошена.

По-видимому, он охотно согласился петь, ибо явился тотчас же и, не говоря ни слова, сел за рояль.

— О, вам это понравится; насмеетесь вдоволь, — шепнули двое молодых людей, проходя через комнату, и скромно встали за спиной у профессора.

Герр Слоссен-Бошен аккомпанировал себе сам. Прелюдия не давала в точности впечатления комической музыки. Это была таинственная, одухотворенная мелодия, от которой мороз пробегал по телу; но мы шепнули друг другу, что таков немецкий жанр, и приготовились натешиться всласть.

Сам я не понимаю по-немецки. Я учился немецкому языку в школе, но забыл все до последнего слова два года спустя и чувствую себя несравненно лучше с тех пор. Тем не менее я вовсе не желал выдавать своего незнания присутствующим, поэтому остановился, как мне казалось, на очень удачной выдумке. Я не сводил глаз с двух студентов и подражал им. Когда они хихикали, и я хихикал; когда грохотали, я грохотал; и даже вставлял время от времени самостоятельный смешок, словно подметил юмористическую черточку, не обратившую на себя внимания других. Последнее я находил особенно хитроумным.

По мере того как подвигалось исполнение, я стал замечать, что доброе большинство присутствующих следили, подобно мне, глазами за двумя молодыми людьми. И эти прочие слушатели хихикали, когда те хихикали, и грохотали, когда те грохотали; а так как молодые люди хихикали и грохотали и вскрикивали от хохота почти непрерывно, — все шло как по маслу.

А между тем этот немецкий профессор не казался довольным. Вначале, когда мы впервые засмеялись, его лицо выразило глубочайшее изумление, точно он меньше всего ожидал возбудить смех. Это мы нашли очень смешным: в его серьезности, говорили мы, заключается главная доля всего комизма. Малейший намек с его стороны, что он подозревает, до чего смешон, все погубил бы безвозвратно. Когда он увидел, что мы продолжаем смеяться, удивление сменилось выражением досады и негодования, и он стал свирепо озираться на всех нас (исключая двух молодых людей, которые, находясь у него за спиной, оставались невидимыми). Тут мы прямо покатались от хохота. Мы говорили друг другу, что эта песня уморит нас насмерть. Достаточно одних слов, чтобы помереть со смеху, но эта напускная его торжественность — нет, это свыше всяких сил!

В последнем куплете он превзошел самого себя. Он сверкнул в нас взглядом, в котором было столько сосредоточенной свирепости, что мы не на шутку могли бы встревожиться, если бы нас не предупредили о немецком жанре комического пения, и вложил в чарующую музыку столько рыдающей тоски, что, не зная мы, что слушаем комическую песню, наверное, всплакнули бы.

Заключительная часть сопровождалась страшным хохотом. Мы объявили, что никогда не слыхивали ничего смешнее. Мы удивлялись, как может, вопреки очевидности, держаться распространенное убеждение, будто немцы лишены чувства юмора. И спросили профессора, почему бы ему не перевести слова песни на английский язык, дабы простые смертные узнали, что такое настоящая комическая песня.

Тогда герр Слоссен-Бошен встал с места и разразился бранью. Он проклинал нас по-немецки (и насколько могу судить, немецкий язык чрезвычайно пригоден для этой цели), и бесновался, и сотрясал кулаками, и называл нас всеми словами, которые только знал по-английски. Он объявил, что никогда в жизни не подвергался подобным оскорблениям.

Оказывается, песня и вовсе не была комической. В ней рассказывалось о молодой девушке, жившей в горах Гарца и пожертвовавшей жизнью, чтобы спасти душу своего возлюбленного; и возлюбленный ее умирает, и встречается с ее духом в воздухе, и потом в последнем куплете изменяет ее духу, и заводит шашни с другим духом — я не совсем тверд в подробностях, но знаю одно, что это было очень печально. Герр Бошен сказал, что испол-

нил однажды эту вещь в присутствии германского императора и он (германский император) рыдал, как ребенок. Он (герр Бошен) объявил, что, по всеобщему мнению, это один из наиболее трагических и трогательных романсов, имеющих на немецком языке.

Затруднительное это было для нас положение – очень затруднительное. Мы стали искать глазами двух виновников, но они незаметным образом исчезли из дома тотчас по окончании пения.

Это положило конец нашему вечеру. Я никогда еще не видел, чтобы общество расходилось так бесшумно и поспешно. Мы даже не попрощались друг с другом. Мы спускались с лестницы поодиночке, держась теневой стороны. Мы шепотом спрашивали свои шляпы и пальто у слуг, сами отворяли дверь, скользили прочь и живо заворачивали за угол, избегая друг друга, поелику возможно.

С тех пор я перестал интересоваться немецкими комическими песнями.

Мы достигли шлюза Сенбери в половине третьего. Река очаровательно красива как раз перед входом, и вид на шлюз прелестный; но никогда не пытайтесь пройти против течения на веслах.

Однажды я сделал эту попытку. Я был гребцом и спросил сидевших на руле товарищей, думают ли они, что это выполнимо, и они ответили: «О да, несомненно, надо только приналечь на весла». Мы тогда находились как раз под маленьким пешеходным мостом, перекинутым через шлюз между двумя плотинами, я нагнулся над веслами, поднатужился и начал гребсти.

Греб я великолепно. Я втянулся в ровный, ритмический взмах. Я пустил в ход руки, ноги и спину. Мои приятели говорили, что любо было на меня смотреть. По прошествии пяти минут я рассчитал, что мы должны уже находиться совсем вплотную к плотине, и поднял глаза. Мы были под мостом точь-в-точь в том самом месте, с которого я начал, а те два идиота наносили вред своему здоровью неумеренным хохотом. Итак, я надрывался как полоумный, для того чтобы удержать лодку неподвижной под мостом. С тех пор я предоставляю другим гребсти на шлюзах против сильного течения.

Мы достигли Уолтона, довольно обширного для прибрежного местечка. Как полагается во всех расположенных у рек городах, он спускается к реке лишь ничтожнейшим углом, так что, глядя с лодки, получается впечатление поселка в полудюжину домов. Единственные сколько-нибудь видные с реки города между Лондоном и Оксфордом^{39} – это Виндзор^{40} и Эбингдон. Все остальные прячутся за углом и заглядывают на реку единственной улицей; я же очень благодарен им за эту заботливость, с которой они предоставляют берега реки лесам, полям и мельницам.

Даже Рединг, хотя и делает все от него зависящее, чтобы испортить, испачкать и изуродовать все, что может захватить река, и тот достаточно добродушен, чтобы держать отчасти скрытым свое неприглядное лицо.

Разумеется, также и в Уолтоне имеются кое-какие следы Цезаря – лагерь, или траншея, или нечто в этом роде. Цезарь был большим любителем речных берегов. Также и королева Елизавета здесь побывала. Куда бы вы ни пошли, вам не уйти от этой женщины. Кромвель^{41} и Брэдшо^{42} (не тот, что написал путеводитель, а тот, что обезглавил короля Карла^{43}) также обитали здесь. В общем недурная компания, если взять их всех вместе.

^{39} *Оксфорд* – город на реке Темзе, где расположен один из крупнейших и наиболее уважаемых в Англии университетов.

^{40} *Виндзор* – город близ Лондона в графстве Беркшир, летняя королевская резиденция.

^{41} *Кромвель* Оливер (1599–1658) – английский государственный деятель и полководец, деятель Английской буржуазной революции XVII в., один из инициаторов казни короля Карла I и провозглашения республики (1649). В 1653 г. установил режим единоличной военной диктатуры.

^{42} *Брэдшо* Джон (1602–1659) – английский юрист, президент парламентской коллегии, судившей короля Карла I и

В Уолтонской церкви хранится железная «узда сварливой жены». В древние времена это средство употребляли для обуздания женских языков. С тех пор отказались от этой попытки. Полагаю, что железо вздоржало, а ничто иное недостаточно крепко.

В церкви имеются также замечательные гробницы, и я боялся, что не удастся провести мимо них Гарриса; однако он, видимо, думал о другом, и мы отправились дальше. Выше моста река сильно извивается. Это делает ее очень живописной, но раздражает с точки зрения гребца или рулевого и возбуждает пререкания между тем, кто гребет, и тем, кто управляет лодкой.

На правом берегу виднеется Оутлендс-парк. Знаменитое старинное поместье. Генрих VIII^{44} украл его у кого-то, не припомню сейчас у кого, и проживал в нем. В парке находится грот, который можно видеть за плату и который считается замечательным; но лично я не вижу в нем ничего особенного. Покойная герцогиня Йоркская, проживавшая в Оутлендсе, очень любила собак и держала их невероятное количество. Она велела устроить особое кладбище для их погребения, на котором их покоится около пятидесяти штук, каждая с могильной плитой и эпитафией.

Что же, – более чем вероятно, что они заслужили их не меньше, чем христианин среднего пошиба.

У Коруэй-Стейкса – первой излучины вверх от Уолтонского моста – произошло первое сражение между Цезарем и Кассивеллауном^{45}. Кассивеллаун приготовил реку для Цезаря, набив кольев по всему ее дну (и вывесил, без сомнения, доску с уведомлением). Но Цезарь все же переправился через реку. Цезаря не отогнать было от реки. Как нам пригодился бы теперь такого рода человек для следования по шлюзам!

Как Хэллифорд, так и Шеппертон довольно живописные местечки, там, где соприкасаются с рекой; но ни в том ни в другом нет ничего замечательного. Впрочем, на Шеппертонском кладбище имеется памятник с надписью в стихах, и я боялся, что Гаррис вздумает высадиться и поглазеть на него. Я видел, как его глаз любовно приковался к приближающейся пристани, поэтому я ухитрился сбросить его шапку ловким движением в реку, и в последовавшем возбуждении при выуживании ее и негодовании, вызванном моей неуклюжестью, он совершенно позабыл о любезных его сердцу могилах.

В Уэйбридже сразу впадают в Темзу Уэй (милая речушка, судоходная для небольших лодок вплоть до Гиллфорда, которую я всегда задумываю изучить и никак не соберусь этого сделать), Бурн и Бэзингстокский канал. Шлюз находится как раз напротив города, и первое, что мы увидели, приближаясь, была фуфайка Джорджа на одном из шлюзных ворот, причем более точное исследование показало, что внутри находится сам Джордж.

Монморанси залился яростным лаем, я завопил, Гаррис заревел; Джордж замахал шляпой и рывкнул нам в ответ. Шлюзный сторож поспешил на выручку с лодкой, вообразив, что кто-нибудь свалился в воду, и явно был разочарован, узнав, что ошибся. Джордж держал в руке несколько странный предмет, завернутый в клеенку. Он был круглый и плоский с одного конца, с торчащей наружу длинной прямой ручкой.

– Это что? – спросил Гаррис. – Сковородка?

приговорившей его к смертной казни; его однофамилец, английский картограф и издатель Джордж Брэдшо (1801–1853), выпускал популярные в Англии путеводители и (первым в мире) железнодорожные справочники.

^{43} *Король Карл* – английский король (с 1625 г.) Карл I (1600–1649) из династии Стюартов. Низложен и казнен в ходе Английской буржуазной революции.

^{44} *Генрих VIII* (1491–1547) – английский король (с 1509 г.) из династии Тюдоров.

^{45} *Сражение между Цезарем и Кассивеллауном* произошло во время второго похода Цезаря в Британию (54 г. до н. э.), когда он столкнулся с ожесточенным сопротивлением бриттских племен, во главе которых стоял Кассивеллаун. Бритты преградили путь римским легионам, укрепив левый берег Темзы валом и частоколом; тем не менее Цезарь форсировал реку и разгромил противника.

– Нет, – ответил Джордж, со странным, безумным блеском в глазах, – они в большой моде в нынешний сезон, все берут их с собой на реку. Это банджо.

– Я и не подозревал, что ты умеешь играть на банджо! – воскликнули Гаррис и я в один голос.

– Не то чтобы умею, – сказал Джордж, – но говорят, что научиться очень легко, и я достал самоучитель.

IX

Джорджа знакомят с работой. – Языческие инстинкты буксирной бечевы. – Неблагодарное поведение судна с двумя гребцами. – Буксирующие и буксируемые. – Новое применение влюбленных. – Кто спешит, тот людей смешит. – Странное исчезновение пожилой дамы. – Быть буксируемым девицами: волнующее ощущение. – Исчезнувший шлюз или заколдованная река. – Музыка. – Спасены!

Теперь, когда мы раздобыли Джорджа, мы заставили его работать. Сам-то он, понятно, работать не желал; это само собой разумеется. Ему пришлось усиленно потрудиться в Сити: так он объяснял. Гаррис, который бесчувствен по природе и не склонен к состраданию, сказал:

– Ну, вот теперь усиленно потрудись на реке, перемены ради. Перемена полезна для всех. А ну-ка, поворачивайся!

Отказываться он по совести – даже по Джорджевой совести – не мог, хотя и заикнулся о том, что лучше бы, пожалуй, ему оставаться в лодке и готовить чай, в то время как Гаррис и я будем тянуть бечеву, так как готовить чай дело утомительное, а Гаррис и я, очевидно, очень устали. Вместо ответа, однако, мы протянули ему бечеву, и он взял ее и вылез из лодки.

Есть что-то странное и непонятное в буксирной бечеве. Навиваешь ее с таким же терпением и заботливостью, как если бы складывал новую пару брюк, а когда берешь в руки пять минут спустя, она уже обратилась в ужасающую отталкивающую путаницу.

Я не желаю прослыть клеветником, но твердо убежден, что, если взять бечеву среднего качества и натянуть ее прямо поперек поля, потом повернуться к ней спиной на тридцать секунд, вы увидите, когда оглянетесь, что она собралась в кучу посреди поля, скрутилась, связалась в узлы и потеряла оба своих конца, сплошь обратившись в петли; и вам придется просидеть добрых полчаса на траве, непрерывно ругаясь все время, чтобы опять ее распутать.

Таково мое мнение о буксирных бечевах вообще. Разумеется, могут попадаться счастливые исключения; я этого не отрицаю. Могут быть бечевы, делающие честь своей профессии – добросовестные, достойные бечевы, – бечевы, не воображающие себя вязаньем и не сплетающиеся в салфеточку для спинки дивана, как только их предоставишь самим себе. Повторяю, могут быть такие бечевы; я от души надеюсь, что это так. Только я никогда не встречался с ними.

Нашу бечеву я убрал сам как раз перед шлюзом. Я не дал Гаррису прикоснуться к ней, потому что он так небрежен. Я медленно и тщательно уложил ее в круг, связал посредине, сложил вдвое и тихонько опустил на дно лодки. Гаррис поднял ее и вложил в руки Джорджа. Джордж плотно схватил ее, держа вдали от себя, и начал разворачивать, как бы распеленывая новорожденного младенца; но не успел он развернуть дюжины ярдов, как бечева походила уже на плохо исполненный половик.

Обычная история, всегда случается одно и то же. Тот человек, что старается распутать ее на берегу, думает, что во всем виноват тот, кто ее укладывал; а на реке что думается, то и говорится.

– Что ж это ты хотел из нее сделать, невод, что ли? Напутал дальше некуда, неужто не мог сложить ее по-человечески, растяпа? – рывкнет он время от времени, продолжая яростно бороться с нею, укладывает ее вдоль по буксирной линии и бегаёт вокруг, силясь разыскать конец.

С другой стороны, тот человек, что убирал ее, воображает, что ответственность за получившуюся путаницу всецело лежит на том, кто распутывает бечеву.

– Она была в полном порядке, когда ты взялся за нее! – негодуя восклицает он. – Почему ты не можешь думать о том, что делаешь? Тебе все надо делать как попало! Тебе только волю дать, ты всякий столб свяжешь узлом!

И так они злы друг на друга, что каждый охотно повесил бы другого на этой бечеве. Проходят еще десять минут, и первый человек испускает вопль и приходит в неистовство, и топчет бечеву, и старается выправить ее, ухватившись и дергая что есть сил. Разумеется, он тем лишь ту же затягивает узлы. Тогда второй вылезает из лодки и идет помогать ему, и они суются друг другу под ноги и мешают друг другу. Оба попадают на одну и ту же часть бечевы и тянут ее в разные стороны, недоумевая, где же она зацепилась. В конце концов им удается ее высвободить, тогда они оглядываются и замечают, что лодку отнесло прочь и что она направляется прямо к шлюзу.

Вот что случилось однажды со мной. Я был близ Боневи, в одно ветреное утро. Мы спускались вниз по течению и, миновав поворот, заметили на берегу двоих людей. Они смотрели друг на друга с таким растерянным и беспомощно несчастным выражением, какого я ни раньше, ни после не видал на человеческом лице, и оба держались за длинную буксирную бечеву. Ясно было, что здесь что-то произошло, поэтому мы замедлили ход и спросили, в чем дело.

– Да нашу лодку унесло! – ответили они с негодованием. – Мы только вышли распутать бечеву; когда же оглянулись, ее и след простыл!

И оба казались оскорбленными тем, что, очевидно, представлялось им низким и неблагодарным поступком со стороны лодки.

Мы разыскали для них беглянку на полмили ниже, где она задержалась в камышах, и возвратили ее им. Готов биться об заклад, что они целую неделю не спускали глаз с этой лодки.

Никогда не забуду вида этих двоих людей, прогуливавшихся вверх и вниз по берегу с бечевой в руках, выглядывающих свою лодку.

Немало забавных инцидентов приходится наблюдать на реке в связи с буксированием. Одним из самых обычных бывает вид пары буксирующих, бойко шагающих по берегу и погруженных в оживленную беседу, в то время как за сто ярдов позади оставшийся в лодке тщетно взывает к ним остановиться, отчаянно жестикулируя веслом. Что-то произошло неладное: либо отцепился руль, либо багор соскользнул за борт, либо его шляпа упала в воду и быстро плывет вниз по течению. Он кричит им остановиться, вначале вполне ласково и вежливо.

– Эй! приостановитесь-ка на минутку! – весело зовет он. – Я уронил шляпу за борт.

Затем: «Эй! Том, Дик! не слышите, что ли?» – на этот раз не столь уже приветливо.

Затем: «Эй! провалитесь вы, бестолковые идиоты! Эй, стойте! Эх, вы...»

После этого он вскакивает и мечется по лодке, и ревет, пока не побагровеет в лице, и проклинает все, что знает на свете. А мальчишки на берегу останавливаются и глумятся над ним, и швыряют в него камнями, в то время как он проносится мимо них со скоростью четырех миль в час и не может выбраться из лодки.

Можно бы избежать многих подобных случаев, если бы только буксирующие помнили, что буксируют, и почаще оглядывались посмотреть, что поделявает их товарищ. Лучше всего, чтобы буксировал один только человек. Когда это делают двое, они всегда заболтаются и забудут, что делают, причем сама лодка оказывает слишком незначительное сопротивление, чтобы существенно напоминать им о себе.

Позднее вечером, когда мы обсуждали этот вопрос после ужина, Джордж рассказал нам о любопытном случае, свидетельствующем, до чего может дойти рассеянность двух буксирующих.

Как-то раз вечером, – так он рассказывает, – он и еще трое молодцов вели на веслах вверх по течению от Мейденхеда тяжело нагруженную лодку. Немного дальше Кукэмского шлюза они заметили шедших по буксирной дорожке молодого человека и девушку, погруженных, очевидно, в весьма интересную и всепоглощающую беседу. Они несли вдвоем багор, и к багру была прикреплена бечева, конец которой волочился в воде. Никакой лодки не было видно ни поблизости, ни где бы то ни было. Не подлежит сомнению, что в то или другое время к этой бечеве была привязана какая-нибудь лодка; но что случилось с ней, какой зловещий рок постиг ее и находившихся в ней людей, осталось погруженным в тайну. Какова бы ни была совершившаяся случайность, она, однако, нисколько не взволновала буксировавшую лодку парочку. Им остались багор и бечева, и по всем признакам они считали это достаточным. Джордж готовился было окликнуть и привести их в чувство, но внезапно осенившая его блестящая мысль остановила его. Взамен того он взял багор, наклонился и зацепил конец бечевы; потом он и его товарищи сделали в ней петлю, накинули ее на свою мачту, убрали весла, уселись на корме и запалили трубки.

А молодой человек и барышня протаскивали тяжелую лодку и четырех дармоедов до самого Марло^{46}.

Джордж говорит, что не видывал до тех пор так много задумчивой печали, сосредоточенной в едином взгляде, когда молодая чета, достигнув шлюза, поняла, что тащила в течение двух миль не ту лодку, что следовало. Джордж полагает, что, когда бы не сдерживающее влияние кроткой его подруги, молодой человек дал бы волю языку.

Девушка первая очнулась от изумления и тогда всплеснула руками, в ужасе воскликнув:

– О Генри! Тогда *где* же тетенька?

– Удалось им когда-либо вновь обрести старушку? – спросил Гаррис.

Джордж отвечал, что не знает.

Другой пример опасного недостатка симпатии между буксирующим и буксируемым наблюдался Джорджем и мной в Уолтоне. Происходило это там, где буксирная дорожка отлого склоняется к реке, мы же расположились лагерем на противоположном берегу, любуясь видом. Вдруг показалась лодка, быстро подвигавшаяся на буксире у мощной баржевой лошади, на которой сидел кроха. В лодке, раскинувшись в мечтательных и покойных позах, сидело пять человек, причем рулевой отличался особенно спокойным выражением.

– Как бы я хотел, чтобы он положил руль не на ту сторону, – шепотом произнес Джордж, когда они поравнялись с нами.

И в этот самый момент рулевой так и сделал, и лодка взлетела вверх по берегу с шумом сорока тысяч рвущихся парусов. Два человека, корзина и три весла немедленно оставили лодку с бакборта и расположились на берегу, а полторы минуты спустя двое остальных высадились с штирборта и уселись среди багров, парусов, саквояжей и бутылок. Последний вылетел на двадцать ярдов раньше и угодил на голову.

После этого лодка стала как бы полегче и прибавила ходу, а мальчик закричал во все горло, поощряя своего коня к галопу. Молодцы сидели и смотрели друг на друга. Прошло несколько минут, прежде чем они поняли, что случилось с ними; когда же поняли, то начали усердно кричать мальчику остановиться. Однако он был чересчур занят своей лошадью, чтобы услышать их, и мы смотрели, как они мчались вслед за ним, пока не исчезли из виду.

Не могу сказать, чтобы меня огорчило их несчастье. Мало того, я только желаю, чтобы подобные бедствия случались со всеми молодыми болванами, – а таких много, – ходящими на буксире на таких условиях. Кроме того риска, которому они подвергают самих себя, они опасны и неприятны для всех встречных лодок. При быстроте, с которой они продвигаются, они не могут никому уступить дороги, и никто не может свернуть с их пути. Их

^{46} Марло – город в Англии в графстве Бекингемшир в 50 км западнее Лондона.

бечева захлестывается за вашу мачту и опрокидывает вас или поддавливает кого-нибудь из сидящих в лодке и либо сбрасывает его в воду, либо раскраивает ему лицо. Лучше всего твердо держаться наготове и быть наготове отпарировать их бечеву концом багра.

Из всех связанных с буксированием впечатлений нет более возбуждающего ощущения, чем быть на буксире у барышень. Не следует никому лишать себя этого переживания. На это требуется всегда три девицы: две держат бечеву, а третья бежит вокруг и хихикает. Обыкновенно они начинают с того, что перевяжут себя. Бечева запутается у них в ногах, и им приходится сесть на землю и распутать друг друга, после чего они навертят ее себе на шею и чуть не удавятся насмерть. В конце концов, однако, они наладят ее как следует и пускаются бегом, ведя лодку с прямо-таки опасной быстротой. Пробежав ярдов сто, они, разумеется, запыхаются и вдруг останавливаются, чтобы с хохотом шлепнуться на траву, между тем как лодку относит на середину течения, прежде чем вы успели спохватиться и взяться за весло. Тогда они поднимаются на ноги и кажутся удивленными.

– Ах, смотрите! – говорят они. – Ушла на самую середину.

После этого они некоторое время работают довольно усердно, а потом вдруг одной из них приходит в голову подколоть платье, ввиду чего они замедляют ход, и лодка врезается в берег.

Вы вскакиваете и отталкиваете ее на воду и кричите им не останавливаться.

– Что? В чем дело? – отзываются они.

– Не останавливайтесь! – ревете вы.

– Не... что?..

– Не останавливайтесь... идите дальше!.. идите!..

– Возвратись, Эмили, и спроси, чего им надо, – говорит одна из них; и Эмили возвращается и спрашивает, в чем дело.

– Чего вам надо? – говорит она. – Разве случилось что-нибудь?

– Нет, – отвечаете вы, – все в порядке; только ступайте дальше, понимаете ли – не останавливайтесь.

– Почему?

– Да потому, что мы не можем управлять лодкой, когда вы все время останавливаетесь.

Вы должны держать лодку на ходу.

– Держать на чем?

– На ходу, чтобы лодка двигалась.

– А, хорошо, я скажу им. А хорошо ли мы тянем?

– О да, превосходно, только не останавливайтесь.

– Оказывается, это вовсе нетрудно. Я думала, что это так тяжело.

– О нет, дело пустое. Надо только двигаться ровным шагом, вот и все.

– Понимаю. Дайте мне мою красную шаль, она под подушкой.

Вы разыскиваете шаль и подаете ее ей, а к этому времени возвратилась другая, которой вздумалось получить свою, и они берут также и шаль Мэри на всякий случай, а Мэри она не нужна, поэтому они приносят ее обратно и берут взамен карманную гребенку. Проходит двадцать минут, прежде чем они снова пускаются в путь, а на следующем повороте показывается корова, и вам приходится вылезать из лодки, чтобы спугнуть корову с дороги.

Ни на минуту не соскучишься в лодке, когда ее ведут на буксире девицы.

Немного погодя Джордж выровнял бечеву и довел нас непрерывно до Пентон-Хука. Здесь мы обсудили важный вопрос о биваке. Решено было эту ночь ночевать в лодке, и надо было или сейчас расположиться на ночевку, или миновать Стэйнз. Однако казалось, что еще рано бросать работу, пока солнце светит в небесах, и мы решили прямо пробраться до Раннимиды, на три с половиной мили дальше, где имеется тихий лесистый уголок и удобно причаливать.

Впоследствии, однако, мы все пожалели, что не остановились в Пентон-Хуке. Пройти три-четыре мили вверх по течению ничего не стоит рано поутру, но в конце длинного дня это дело нешуточное. В течение этих последних миль вы перестаете интересоваться видами. Вы больше не болтаете и не смеетесь. Каждые полмили кажутся вам целыми двумя. Вы с трудом можете поверить, что достигли только того места, где на самом деле находитесь, и убеждаетесь, что план должен быть неточным, а после того как протащитесь, как вам кажется, добрых десять миль, а шлюза все не видно, вы начинаете серьезно бояться, что кто-нибудь похитил его и бежал вместе с ним.

Помнится, как я однажды был страшно потрясен на реке. Я катался с молодой девушкой (кузиной с материнской стороны), и мы спускались по течению к Горингу. Мы несколько запоздали, и нам не терпелось – вернее, ей не терпелось – добраться до дому. Было уже половина седьмого, когда мы достигли Бенсонского шлюза, сумерки сгущались, и тут-то она начала волноваться. Она объявила, что ей надо быть дома к ужину. Я ответил, что также не прочь отужинать, и вытащил карту, чтобы выяснить, где мы в точности находимся. Оказалось, что нам остается ровно полторы мили до следующего шлюза – Уоллингфордского, – а отсюда пять до Клива.

– О, все благополучно, – заявил я. – Мы пройдем следующий шлюз до семи часов, а после него остается всего только один. – Затем я сел и приналег на весла.

Мы миновали мост, и вскоре вслед за тем я спросил, видит ли она шлюз. Она отвечала, что нет, не видит никакого шлюза, а я сказал: «О!» – и продолжал грести. Прошло еще пять минут, и я попросил ее посмотреть еще.

– Нет, – сказала она, – я не вижу никаких признаков шлюза.

– Ты... ты уверена, что умеешь узнать шлюз, когда видишь его? – спросил я нерешительно, не желая ее обидеть.

Однако она не обиделась, а только предложила мне посмотреть самому; поэтому я положил весла и стал смотреть. Река тянулась прямо перед нами в сумерках на протяжении мили: не было видно ни тени шлюза.

– Ты не думаешь, что мы могли заблудиться? – спросила моя спутница.

Я не представлял себе, каким образом это могло бы случиться; однако заметил, что мы, быть может, попали в запруженное русло и нас несет к водопаду.

Мое предположение несколько ее не утешило, и она принялась плакать. Она объявила, что мы оба утонем и что это кара Божия за то, что она отправилась кататься со мной.

Я нашел, что наказание несоразмерно вине, но моя кузина была иного мнения и надеялась только, что конец наступит скоро.

Я попытался ее успокоить, обратить все дело в пустяк. Очевидно, что я просто-напросто греб не так быстро, как воображал, но что теперь мы скоро уже будем у шлюза; я снова заработал веслами и продолжал работать около мили.

Тут мне самому стало не по себе. Я снова взглянул на карту. Вот он и Уоллингфордский шлюз, отчетливо обозначенный, на полторы мили ниже Бенсонского. Карта была исправная, надежная; вдобавок я сам помнил этот шлюз. Я два раза побывал на нем. Где же мы? Что случилось с нами? Я начинал думать, что все это сон, что на самом деле я сплю и проснусь через минуту, дабы услышать, что уж больше десяти часов.

Я спросил свою кузину, не думает ли она, что это сон; она же отвечала, что как раз готовилась задать мне тот же вопрос. Тут мы стали рассуждать о том, оба ли мы спим и если да, то кто из нас видит настоящий сон, а кто сам не более чем сновидение: очень даже стало интересно. Как бы то ни было, я продолжал грести, но никакого шлюза все не показывалось, и река становилась все более темной и таинственной в сгущавшейся ночной тени, и окружающие предметы казались зловещими и сверхъестественными. Я вспоминал о леших и оборотнях, блуждающих огоньках и тех скверных девушках, что просиживают ночи напролет

на утесах и заманивают людей в водовороты, и тому подобное, и жалел о том, что не был более добродетельным и что знаю так мало молитв, а в самый разгар этих размышлений услышал дивные звуки мелодии «Он разделился в пух и прах», которую скверно исполняли на гармонике, и понял, что мы спасены.

Обычно я не восхищаюсь звуком гармоники, но тогда эта музыка показалась прекрасной нам обоим – гораздо прекраснее, чем могли когда-либо звучать голос Орфея^{47}, или лютня Аполлона^{48}, или что бы то ни было в том же роде. Небесные мелодии, в настоящем нашем состоянии духа, лишь еще более потрясли бы нас. Волнующую душу мелодию, правильно исполненную, мы приняли бы за предостережение свыше и окончательно отказались бы от надежды. Но в звуках «Он разделился...», извлекаемых спазматически и с непроизвольными вариациями, из хриплой гармоники, было нечто удивительно человеческое и ободряющее.

Сладкие звуки приближались, и вскоре с нами поравнялась и лодка, с которой они слышались.

На ней находилась компания провинциальных кавалеров и девиц, задумавших покататься на лодке при лунном свете. (Луны не было, но то была не их вина.) Никогда в жизни я не видал более привлекательных, милых людей. Я окликнул их и спросил, могут ли они указать мне дорогу к Уоллингфордскому шлюзу, пояснив, что разыскиваю его в течение двух последних часов.

– Уоллингфордский шлюз! – воскликнули они. – Да господь с вами, сэр, вот уже больше года, как о нем нет и помину. Нет теперь Уоллингфордского шлюза, сэр. Вы подходите к Кливу. Пусть меня разорвет, Билл, поверишь ли, оказывается, этот джентльмен разыскивает Уоллингфордский шлюз!

Мне это и в голову не пришло. Я готов был пасть им всем в объятия, благословляя их, но течение для этого было здесь чересчур быстро, и мне пришлось удовольствоваться холодно звучащими словами благодарности.

Мы благодарили их без конца, и сказали, что ночь очень хороша, и пожелали им приятной прогулки, и даже, кажется, я пригласил их всех провести у меня неделю, а моя кузина добавила, что ее мать будет так рада познакомиться с ними. И мы запели «хор солдат» из «Фауста»^{49} и таки поспели к ужину.

^{47} *Орфей* – в греческой мифологии – певец, обладавший пленительным голосом, способным укротить даже диких зверей и силы природы.

^{48} *Аполлон* – в греческой мифологии сын Зевса, бог-целитель и прорицатель, покровитель искусств. Изображался в виде прекрасного юноши с луком и/или кифарой.

^{49} «*Фауст*» – опера (1859) французского композитора Ш. Гуно (1818–1893).

Х

Наша первая ночь. – Под парусиной. – Призыв о помощи. – Как побеждается дух противоречия у чайников. – Ужин. – Что делать, чтобы чувствовать себя добродетельным. – Требуется комфортабельный пустынный остров с хорошей вентиляцией, предпочтительно в южной части Тихого океана. – Забавное происшествие с отцом Джорджа. – Беспокойная ночь

Мы с Гаррисом уже начинали думать, что тем же способом был уничтожен Белл-Уирский шлюз. Джордж довел нас до Стэйнза, где мы приняли от него лодку, и нам казалось, что мы тащим за собой пятьдесят тонн и прошли сорок миль. Было половина восьмого, когда мы наконец миновали его, и мы все тогда уселись в лодку и подошли на веслах вплотную к левому берегу, выглядывая, где бы причалить.

Первоначально мы предполагали добраться до острова Великой Хартии^{50}, – прелестный уголок реки, где она извивается по нежной, зеленой долине, и причалить к одному из живописных заливчиков, изобилующих на этом крошечном берегу. Но мы почему-то уже не так жаждали живописного, как в начале дня. На эту ночь мы вполне удовлетвоались бы укромным уголком между баржей с углем и газовым заводом. Мы не нуждались в пейзаже. Мы нуждались в ужине и постели. Тем не менее мы таки дотащились до мыса – его зовут мысом Пикника, – и укрылись в уютном уголке под большим вязом, к корням которого прикрепили лодку.

Затем мы думали заняться ужином (мы обошлись без чая, чтобы сберечь время), но Джордж сказал – нет: надо сперва установить тент, пока еще не стемнело настолько, чтобы не видеть, что делаешь. Тогда, сказал он, все наши труды будут окончены, и мы можем усестся за еду со спокойной совестью.

Едва ли кто из нас рассчитывал, что этот тент потребует стольких хлопот. Говоря отвлеченно, дело казалось таким простым. Берешь пять железных арок, похожих на гигантские дуги для крокета, устанавливаешь их вокруг лодки, а потом натягиваешь на них парусину и прикрепляешь ее: нам казалось, что на это уйдет всего-навсего десять минут.

Но мы просчитались.

Мы взяли дуги и принялись вставлять их в приготовленные для них отверстия. Вы бы никогда не подумали, что это занятие может быть опасным; а между тем, оглядываясь назад, я удивляюсь, как это мы остались в живых. Это были не дуги, а сущие дьяволы. Прежде всего они вовсе не хотели входить в отверстия, и нам приходилось налегать на них, и бить их ногами, и колотить багром; когда же все разместились по местам, оказалось, что мы вставили дуги не в те гнезда, и им пришлось вылезать обратно.

Однако они не хотели вылезать обратно, и приходилось двоим из нас бороться с ними минут по пяти кряду, тогда они вдруг выскакивали, пытаясь сбросить нас в воду и утопить. У них были зазубрины посредине, и, когда мы не смотрели, они щипали нас этими зазубринами за чувствительные части тела; в то же время, пока мы сражались с одним концом дуги, стараясь склонить его к сознанию долга, другой конец изменническим образом подкрадывался сзади и щелкал нас по голове.

Наконец мы установили их, и тогда осталось лишь натянуть на них парусину. Джордж развернул ее и прикрепил один конец на носу лодки. Гаррис стал посредине, чтобы принимать ее от Джорджа и, продолжая разворачивать, передавать мне. Прошло много времени,

^{50} *Остров Великой Хартии* – остров, на котором английский король Джон (Иоанн) Безземельный (1167–1216; правил с 1199 г.) из династии Плантагенетов подписал в 1215 г., потерпев поражение в войне с крупными феодалами, хартию (грамоту), даровавшую дворянам и части купечества ряд гражданских прав.

пока она дошла до меня. Джордж исполнил свою часть как следует, но Гаррис был новичком в этом деле и изрядно напортил.

Как он ухитрился это сделать, он и сам не сумел объяснить; но путем того или другого таинственного процесса ему удалось совершенно запутаться в ней по истечении десяти минут сверхчеловеческих усилий. Он оказался так туго завернутым, спеленутым и перевитым, что не мог выбраться наружу. Само собой разумеется, что он яростно боролся, добиваясь свободы – этого прирожденного права каждого англичанина, – и, делая это (как я потом узнал), сбил с ног Джорджа; тогда Джордж, на чем свет стоит ругая Гарриса, принялся также выбираться и, в свою очередь, запутался и завернулся в парусину.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Примечания